

АЛЕКСЕ́Й ПАВЛОВ

**РУЖЬЕ
НА КЛУЧКАХ**

Магия Гардарики

Алексей Лавров

Руны на клинках

«Автор»

2023

Лавров А.

Руны на клинках / А. Лавров — «Автор», 2023 — (Магия Гардарики)

Артём воюет, получает новые звёзды и постепенно понимает, насколько отличается война в мире магии от того, что он знал о войне в своей реальности. Гардарика совсем не СССР, мир магический, и он, оказывается, не всё знает о людях.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Алексей Лавров

Руны на клинках

Глава 1

В начале третьей книги уже не стану всё сваливать на пытливого читателя – автор как честный человек просто обязан первым делом описать в целом своё видение нападения Европейского Союза на Гардарiku в параллельном мире магии.

В нашей реальности обе стороны в начальный период управлялись своей идеологией. Подчинённые ждали от начальников идеологически правильных приказов, а начальники просто говорили в идеологических рамках. Даже крыли матом строго по методичке.

Внезапное нападение немцев и разгром русских летом 1941-го года укреплял идеологию немцев, что русские вообще не люди, а русским стало временно не до идеологии, пришлось включить голову.

Результат войны говорит в пользу русского подхода, хотя такая уж у немцев оказалась идеология. Несмотря на разгром в войне, немцы так и не признали себя не лучше русских и нарываються снова.

К тому же в 1941-м немцам просто неприлично везло буквально во всём. Погоды стояли сухие и жаркие, речки обмелели, удалось захватить богатейшие трофеи. Да и русские будто подыгрывали, всё время пытались наступать, дабы развернуть ход войны и всё-таки принести счастье в далёкую Гренаду.

Кстати, после войны русские тоже не успокоились и продолжили нести в Гренаду счастье вплоть до развала СССР на полдороге. Сейчас, кажется, у России появились свои интересы, и она ими руководствуется, наплевав на мировое счастье...

Но пока не в этом суть, представим себе магический мир, где есть Гардарика, и она всегда следует лишь своим интересам. Прямо преследует их во всём мире и потому русских везде не любят. Особенно в Европе.

Глубинные устремления народов и позицию государств всегда формулируют словами отдельные умники, и получается идеология. В Гардарике все сами умные и отдельных умников не кормили, а то и случалось с ними всякое...

Нет! Ну, не могли же русские сказать вслух, что по ним все другие могут хоть подохнуть, лишь бы им было хорошо! Потому пафосно говорили только об интересах народов Гардарики.

Как такое учение называется в нашей реальности? Ага-ага. Но в магическом мире европейские мыслители слов для Гардарики особенно не выбирали, потому просто называли русских жадными и тупыми животными. И это стало основой идеологии Европы.

Отметим, что пока неважно, кто из них больше фашисты, европейцы или русские, просто возьмём за данность. Итак, Гардарика веками преследует свои интересы, и в Европе этим недовольны. Причём с приходом капитализма и промышленности европейское недовольство нарастает всё быстрее. Особенно по результатам Первой Мировой Войны.

И тут нужно попытаться встать на сторону европейцев – это скотство когда-то должно кончиться! Или они за себя не отвечают! Понимали это в Гардарике? Конечно, понимали, ведь там во всём видят выгоду или опасность.

Они хорошо знали, что Европа обязательно слетит с катушек, просто не хотели этого всего. Война это расходы, убытки и кого-то всегда убивают. Но пришёл в магический мир попаданец и открыто о войне сказал. Что ещё оставалось Гардарике? Стали готовиться к неизбежному нападению, с выгодой для себя помогая делать его совсем-совсем неизбежным.

И вот столкнулись две идеологии! Европейцы, уверенные, что русские животные, и сами русские...

Всё время написания двух первых книг я потирал ладошки в предвкушении этого момента! Но дошёл до него, и случилось, как часто бывает у авторов – мы ставим себя на место своих персонажей, пытаемся их понять. При всей идеологии на гашетки жмут конкретные люди.

Допустим, жил-был отчаянный пилот Ганс. Его даже наградили за победы над самолётами Англии каким-нибудь крестом. И в виде отдыха его полк перебросили в мирную Польшу.

Вызывает его командир и говорит, что надо ненадолго слетать к русским, типа по ошибке, сфотографировать такие-то объекты. Командиру и Гансу вбили в головы, что у русских самолёты плохие, и они ничего не умеют. Оба немца улыбаются.

Пилот с радостью идёт на задание, постоянный отдых тоже утомляет. Взлетает Ганс на «мессере» последней модели с фотоаппаратом под крылом и летит в Гардарику. Перелетел он границу и направляется к первому объекту. Небо синее, мотор жужжит, Ганс что-то себе насвистывает...

По машине словно рубят топором! Ганс в панике вертит головой, и его череп с мозгами раскидала по прострелянному стеклу пуля большого калибра. Он даже не увидел атаку, и его горящий «мессер» врезается в землю.

Долго ждал командир Ганса и не дождался. Послал уже двоих, тоже Ганса и Фрица ещё опытнее – у того за победы крест с какими-то листьями. Задача та же, сфотографировать объекты.

Взлетели они и летят...

Ну, дальше вы знаете, только опытный Фриц успеваешь выпрыгнуть с парашютом. С хлопком открылся над ним купол, и пилот задумался, как же далеко ему теперь идти до границы...

И его перечёркивает пулемётной очередью, а над ним пролетает русский самолёт. Командир не дождался уже двоих и призадумался. А с ним вместе думал весь полк.

Гансы и Фриц ведь не делали особой тайны от товарищей, куда собрались. Когда командир отдавал приказ следующей паре истребителей, никто не улыбался. Нужно без фотографирования просто пролететь по маршруту.

Парни вылетели. Весь полёт вертели головами. Вовремя заметили пару русских самолётов, а те без затей атакуют. Немцы в чужом небе, им нельзя драться! Они пытаются удрать, но хваленые «мессеры» последних улучшений не могут оторваться, ни на вертикали, ни в горизонте.

Одного немца сожгли, а второй покидает машину и открывает парашют в последний момент. На отбитых ножках он несколько дней бежит к границе по чужим лесам. За ним отрядили погоню, пилот уже слышал их собак, когда добрался до границы. Лётчик кинулся к людям, лопоча по-своему...

И его пристрелили добрые поляки. Или этот немец доковылял до своих, всё равно добрые поляки перестреляли или забили насмерть много таких сбитых лётчиков.

Впрочем, говорили они не только по-немецки не одним лишь полякам. Французские полки размещались в Венгрии. В Румынии румынские, итальянские и болгарские – теплолюбивые же создания. Их лучше не пускать против англичан, а против русских запросто.

Суть-то как раз в том и состоит, что доходили они к своим и рассказывали, как к русским летать. Пилоты Гардарики получили простую задачу – барражировать по очереди на высоте и тупо сбивать любых нарушителей. Никому неинтересно, почему они к нам залетели, их просто не должно быть.

На это дело в виде учений определили дружины пограничных княжеств, то есть на новейших отечественных истребителях, и пилоты хорошо ими управляют – у всех есть боевой опыт.

А сколько Совет обороны для борьбы с нарушителями выделил авиачастей подчинённого ему ополчения, никто не узнал даже после... э... всего. Своим и так всё ясно, а вопросы иностранцев всегда игнорировались.

Тоже самое и на земле – на ликвидации разведывательных групп тренировались какие-то дружины и отдельные дивизии. Кому-то повезло вернуться и что-то рассказать командирам. Делались запросы о судьбе солдат, но никто не ответил даже... э... потом.

* * *

Европейские командиры и их солдаты каждый день получали идеологию без меры. С каждого плаката, из каждой газеты, на всех радиоволнах говорили, что русские – это жадные, тупые животные. Ещё старались партийные активисты.

Европейцы и не спорили, в конце концов, они же военные, а не зоологи. Просто, когда пришлось на русских нападать, солдаты глубоко в душе уже считали противника не очень тупыми или трусливыми.

В нашей реальности известно о сотнях перебежчиков, кто называл дату и время вторжения. Нарком Военно-морского флота даже объявил тревогу на кораблях 22-го июня. В магическом мире сообщений о нападении было не меньше.

Знали о них европейские военные, прежде всего пилоты? Могли и не знать, они просто хорошо понимали, что русские ждут от них нападения и готовятся. Умные и опытные, всё понимая, многое не могли сказать открыто, только намекали и «случайно» проговаривались.

Потому те лётчики, кто не понимал намёков и оговорок опытных товарищей и принимал на веру пропаганду, массово гибли в первой волне. Их сбивали истребители, которые все должны стоять на аэродромах. Их сбивали зенитки над «мирно спящими», но пустыми аэродромами. Они съели все ложные цели, разнесли в щепки макеты бомбами, и их сбивали при возвращении. Они даже атаквали важные объекты, и их сбивали над ними.

А умные и опытные, не противореча активистам, приказы тупо саботировали – произвольно меняли маршруты, сбрасывали где попало бомбы и возвращались. Умудрённые командиры не лезли с расспросами.

Партийные активисты, конечно, всё знали – стучали почти все. Они честно докладывали о наблюдениях, а думать и делать выводы не их задача. Наверху почесали репу и не стали говорить о неудаче первого удара. Просто его не было! Европейцы благородные люди!

Хотя танки перешли границу до передачи послом Европейского Союза в Совет внешних сношений бумаги об объявлении Гардарике войны, но это совершенно другое.

В общем, первого удара не было, «лапотники» сами в большинстве испарились. Тем более в этой неправильной войне толку от них почти нет. Вылетают они по заявке пехоты бомбить врага, и их сбивают истребители русских.

Если долетают до целей, в пикировании самолёты достаются зенитчикам, а с высоты кидать бомбы бесполезно. Французы быстрее, их не так просто сбить, и они ещё кое-где остались, Франция даже поставляет новые машины. Только их берегут, чтобы были ещё европейские бомбардировщики.

Авиация Гардарики большинством сил продолжила любимую «свободную охоту», только в условиях войны. Обычно две пары самолётов на высоте облетают маршрут и, при обнаружении противника, в пикировании атакуют. После атаки сразу удирают – при неудаче в бой неожиданно вступают другие, а за ними и третьи...

В числе самолётов русские уступают европейцам, но при таком образе действий оно несущественно. Лёгкие бомбардировщики Европы практически все выбили в первый месяц. Авиации тупо нечем помогать своим танкистам или нарушать русские коммуникации.

Самое неприятное в неправильной войне, что русские с самолётов хорошо видят землю и сообщают, что творится. Европейцы в воздухе сразу захватили и удерживали превосходство над тупыми русскими. Однако все попытки завоевать полное господство на отдельных направлениях наталкиваются на жёсткий отпор. Гардарика быстро наращивает там число истребителей, словно у неё бесконечные резервы. И новые машины русских точно не уступают европейским.

Европейцы смело вторглись на вражескую территорию. Атаковали противника и, обходя упорное сопротивление, двинулись дальше. Только русские пограничные дивизии в своих же княжествах. Они не стали сдаваться и не побежали на восток, бросая оружие, вовсе нет. Эти парни отошли в леса и занялись партизанской войной, они же давно к ней готовились. У них в тайных хранилищах запасено для большого войска на несколько лет.

Против них бросили европейские охранные дивизии, но справляются они с очень переменным успехом. Партизанам в быстром получении данных о противнике хорошо помогают «глаза с неба», что заставляет идти дальше на восток, чтобы русские до своих не долетали.

Тут-то и должна сказаться тупость и трусость этих животных! Однако они не сдаются миллионами, их просто ещё не встретили в таких количествах. На весь восточный фронт не наберётся и десяти тысяч пленных за первый месяц вторжения. Большинство пристрелили, часть подвергли пыткам для поднятия боевого духа, но оно мало помогает.

Немецких танкистов и пехотных командиров после Польши словно подменили! Никакой инициативы, без приказа ни одного лишнего движения. Другие европейцы быстро учатся и теряют всю инициативность. Русские, конечно, животные, но загрызть могут запросто.

Инициатива закончилась в огневых мешках и засадах, во внезапных столкновениях с противником. Враг отходит, но постоянно огрызается. И у командиров всегда есть оправдания – не хватает им того или этого.

Ну, возникли некоторые сложности в тылах. Взрываются мосты, железнодорожные станции, уходят под откос составы. С местным населением не нежничают – русские для европейца отныне вне любых законов и морали. Но они, как правило, не виноваты – власти Гардарики навтыкали мин заранее. Нужно же просто перетерпеть трудности!

А то с такими настроениями просвещённым европейцам в этом году Москву не взять! И Крым не взять! Не взять даже Новгород! Нужно всем немцам усвоить накрепко, что русские просто животные, и смело идти вперёд! А кто не идёт, тот думает, что русские люди, как европейцы, и сам животное! Что Дания?! Причём тут Дания! Это другое! Дайте мне «Парабеллум»!

* * *

Гхм-гхм. Кстати, о Дании и, вообще, о Балтийском море. По плану, корабли русских в базах атакует авиация Европы. К очищению Балтики от русских подключились французы и итальянцы со своими истребителями и бомбардировщиками.

У Гардарики очень много баз и кораблей, некоторая часть постоянно ошивается в море. К счастью, известны их маршруты, и против них загодя вышел весь флот Германии.

После уничтожения кораблей русских в море немецкий флот подключится к повторному налёту авиации, и они вместе доделают всё, что не сделали сразу.

Потом минные заградители начнут блокирование русских баз и наделают в Балтийском море минных ловушек, чтобы точно пресечь каботаж Гардарики. А флот Германии сможет спокойно поддержать огнём морских орудий крупного калибра наступающие в Дании войска.

Устраивать «случайные» полёты над портами Гардарики было бы чересчур вызывающе, и лишний раз подходить к кораблям русских немцы до поры избегали. Потому во флоте и авиации все верили, что русские тупые животные и не способны даже понять прекрасный европейский план.

Хорошо бомбить корабли неожиданно, когда они стоят в портах. Даже если матросы успели встать к зениткам, заградительный огонь им не помогает. Никто не может защищаться отовсюду. Особенно если враг не мешает нападать со всех сторон и старательно прицеливаться...

Только в базах кораблей не оказалось. Вот всё было – море, пирсы, другая инфраструктура, огонь зениток и отвлекающие атаки русских самолётов, а корабли куда-то ушли. И ладно бы дело предстояло в Дании! А если это Швеция или Норвегия? Если нужно жечь керосин над морем, и у пилотов в запасе несколько минут!

Русские же истребители, даже в меньшинстве, взлетели рядышком и плевали на прикрытие бомбардировщиков – у него нет топлива на долгий бой. Можно просто убежать от «мессеров» и других истребителей, пока товарищи нападают на бомбардировщики, а потом меняться ролями.

В результате обратно прилетели почти все истребители, треть «лапотников», три десятка французов и двадцать пять итальянцев. Посадили пилоты свои самолёты, а к ним едут машины с бомбами и цистерны с керосином.

Французы тихо смеялись, итальянцы плакали, а немецкие лётчики говорят командирам, что повторный налёт отменяется, нет в базах русских кораблей. А те им отвечают, что русские уже нашлись. Нужно лететь поддерживать то, что эти нашедшиеся ещё не потопили.

Оказывается, сию секунду в Балтике идёт грандиозное морское сражение. Флот Германии, вышедший топить и кошмарить отдельные отряды и корабли русских, встретился со всем Балтийским флотом Гардарики, и русские первые открыли огонь.

Французы заплакали, итальянцы засмеялись, а немецкие пилоты горестно вздохнули, что после неудачи отдых отменяется, выпили по кружке кофе с коньяком, и полезли в машины. Взлетают и летят на координаты очень злые. Теперь точно русские от них не уйдут!

* * *

И снова маленькое отступление. Первый момент: Магическая Германия, конечно же, смогла выстроить линкоры «Бисмарк» и «Тирпиц», ведь их построила даже Германия не магическая после поражения.

Но магически развитая Германия распорядилась ими иначе. Немцы очень хотели успокоить до поры Гардарику, изобразить правдоподобную войну с Британией, и эта Британия сумела всё-таки достать немцев. Считалось, что для Гардарики и без «Бисмарка» с «Тирпицем» хватает сил, так что оба монстра весной 1942-го года вывели в Атлантику.

Внимание, повтор. Оба линкора. Ещё и снабдили их сопровождением крейсеров и эсминцев. Британцы же всем табором вышли топить один «Бисмарк». Ну, им сказали, что линкор будет один. В результате потонул не только «Худ», немцы разнесли весь табор.

Остатки покалеченных кораблей британцев смылись домой, а оба супер-хулигана пошли в океан резвиться и надолго парализовали сообщение Британии с Америкой даже посредством конвоев. Линкоры же Конфедерации в начале зимы утопили японцы, и авианосцам американцев также хватало работы.

То есть не было тяжеловесов с западного побережья Дании. Вторым моментом стали маршруты русских крейсеров и эсминцев. Эти корабли прикрывали каботажное сообщение, а оно шло от портов Новгорода через Швецию в Данию, или по северу Балтийского моря.

А, в-третьих, флот Германии шёл по мирному в его понимании морю нападать на одиночек и элементарно нарвался на атаку подводных лодок. Линкоры «Шарнхорст», «Гнейзенау» и тяжёлый крейсер «Лютцов» поймали по торпед, но остались пока на плаву, а старые броненосцы времён Первой Мировой Войны потонули.

Три лёгких крейсера сопровождали в Атлантике линкоры «Тирпиц» и «Бисмарк», остальные держали флаг Европейского Союза в Индонезии и на востоке Индии, поддерживали сообщение. А прочие тяжёлые крейсера и эсминцы оказались на месте.

Они сумели уклониться от торпедных атак подлодок, и перешли к сопровождению повреждённых кораблей обратно. На них совсем никто не удивился, когда появились русские самолёты, и густо полетело из-за горизонта.

Немцы сообразили, что русские как-то обо всём прознали, а это пришёл флот Гардарики. По идее следовало оставить покалеченные корабли и уходить, но немцы своих не бросили. Связались с берегом и вызвали авиацию, а пока маневрировали.

Флот Гардарики особенно на самолёты не надеялся. Четыре линейных корабля, четыре тяжёлых крейсера, и флотилия эсминцев под водительством семи лёгких крейсеров вошли в зону видимости, ясно дав понять, что никто отсюда не уйдёт.

Шансы удрать от русских всем вместе таяли с каждой минутой, оставалась надежда лишь на свою авиацию. Тяжёлые корабли Гардарики выбрали первым «Лютцов». На море всё происходит медленно, немецкие лётчики успели увидеть, как объятый пламенем, избитый тяжёлыми снарядами крейсер уходит под воду.

Корабли в море на полном ходу, да ещё и под прикрытием самолётов, очень тяжёлая мишень. Немцы честно атаковали русский флагман, но им постоянно мешали истребители врага. Линкор просто менял курс, а его собратья выбрали новую жертву, сосредоточив огонь на «Гнейзенау».

Пилоты вернулись на аэродромы. Пока их заправляли, выпили ещё по кружке кофе с коньяком и полетели через Балтику. «Гнейзенау» уже не было, русские стреляли по плавающему «Шарнхорсту».

Тяжёлые крейсера и эсминцы немцев к тому моменту пытались удрать в рассыпную, но в них вцепились клыки русских крейсеров и эсминцев. Попытались помочь хотя бы убежать, атаковали русский тяжёлый крейсер.

Пилоты игнорировали атаки русских истребителей! Их сбивали, но товарищи прорывались и посылали машины ниже всего, что позволяют уставы! Сотня последних бортов обрушилась на врага целыми двумя волнами, одна за другой с разных направлений. Есть аж два уверенных попадания бомбами в тысячу и пятьсот килограммов!

Потеряли сорок семь самолётов, большинство бомб ушло в море. Флагманский крейсер русских горит, но на плаву и стреляет из уцелевших орудий. Немецким пилотам нужно возвращаться на базы, нет бомб, и кончается топливо. Новый командир контр-адмирал Гессен ровным тоном поблагодарил за работу и приказал больше не прилетать.

Парни вернулись к себе и, шатаясь, как пьяные, побрели отсыпаться. Утром они спросили, кто вернулся из эскадры. Командиры сказали, что пришло в базы девять эсминцев. А пилотам нужно быстро завтракать и вылетать на корабли русских...

* * *

Прямо слышу мысленное восклицание пытливого читателя, что автор утопил флот немцев – всё-таки пошёл вразнос, хотя и обещал этого не делать. И автор пытливому читателю заранее отвечает, что никаких нервов, сплошная логика.

Для начала, какую пользу получила реальная Германия от своих кораблей? Практически никакую. Подводники, конечно, отличились, но выполнили они хоть на неделю задачу блокировать Британию? Нет, не смогли.

Что уж говорить о монстре «Тирпиц», который, по определению Гитлера, стрелял чистым золотом. Вот лёгший на дно Невы русский «Марат» с одной уцелевшей башней многократно окупился.

Потопленный и уничтоженный, он притягивал к себе налёты бомбардировщиков, что в это же время не бомбили русские позиции. И его орудия постоянно стреляли. Каждый залп линкора – это немецкий танк в среднем.

А потопленный вначале войны «Бисмарк» или простоявший всю войну в шхерах «Тирпиц»? Я же вывел их в Атлантику, не повезло англичанам. В мире магии дуракам вообще мало везёт.

Супер-линкоры немцы использовали по прямому своему назначению, они взяли Британию за глотку – конвои отменяются, попробуйте пробраться врассыпную через подводные лодки.

Но что делать остальному флоту Германии? Честно бодаться с флотом Гардарики, который превосходит их по числу вымпелов и по всем основным параметрам? Или всё-таки уничтожить русские корабли первым ударом, чтоб точно?

Теперь поставим себя на место русских. Нам стало достоверно известно, что Германия подло нападёт, весь её флот собирается для этого в кучку. Ваше решение? Ну, может, кто-то и стал бы договариваться, а я лично вывел бы в море свои силы и пинал бы вероломного врага, пока тот не забулькает.

И я тут автор на секундочку, а это мой авторский и, особо отмечу, магический мир. Адмиралы Гардарики вывели в море новейшие корабли и уничтожили врага встречным ударом.

И сделали это в открытом бою! Атака подводок не считается, это другое. Ведь корабли немцев стреляли в ответ и даже попадали. Все тяжёлые корабли русских получили повреждения, а два линкора и тяжёлый крейсер даже серьёзные. Гонялись за эсминцами врага русские эсминцы и лёгкие крейсера сами, без поддержки.

Новейшие тяжёлые корабли вернулись в базы чиниться, такие повреждения стали бы для старичков фатальными. Старых кораблей у прижимистых русских было очень много. Они же всегда готовились к столкновению с Германией или с Британией...

Ну, ещё для очистки совести некоторые плюсовали французов. Вот готовились русские к войне, но не воевали и ничего не выбрасывали. Каждый вымпел на плаву, даже не являясь серьёзной угрозой, удлиняет врагу список целей. Однако в этот раз старичкам нашлась другая работа.

С рассветом, когда европейские самолёты уже летели над Балтикой, пушки немцев обрушились на позиции артиллерии датчан и их окопы. Через час огневой подготовки европейцы пошли в атаку! В этот раз действительно европейцы, в основном, французы с итальянцами, хотя отметились все. Даже Люксембург и Монако выделили по батальону.

В Евросоюзе посчитали, что в начале войны всем нужна яркая победа! И сильного сопротивления от датчан не ожидалось, так не использовать же против них немецкие дивизии. Только пушки были чисто германскими из-за логистики.

Вот после подготовки всё это воинство атаковало мирно спящие датские окопы. Над этими оборонительными сооружениями потешались всей Европой! Зачем датчане их вырыли и местами забетонировали, если не собираются воевать? Только показывать туристам?

Однако в мирных окопах засели совсем немирные датчане и стреляли в европейцев! Датские пушки отвечали слабо, а потом и вовсе примолкли, отбивались лишь из винтовок и пулемётов.

С европейских аэропланов часто сбрасывали листовки. Любопытный Аксель прихватил одну, что пролетала рядом, и попробовал разобраться.

– И как тут подумать, когда вокруг все стреляют! – сказал он, отложив листовку, и снова припал к ружью.

На него безразлично посмотрел Йорген, передёрнул затвор винтовки и продолжил стрельбу.

В перерывах между атаками тоже сбрасывали с аэропланов листовки, и за ними сразу открывали огонь из пушек. Предполагалось, наверное, что датчане зачитаются. Но они бегом укрывались в хорошо защищённых блиндажах, не отвлекался даже любопытный Аксель.

Хоть европейцы и не ждали от датчан упорного сопротивления – они вообще его не ждали – однако атаковали в целом успешно. Захватывали траншеи, любопытного Акселя застрелили в голову. Датчане отходили, унося с собой убитых.

Ближе к вечеру европейцы дошли до линии датских дотов. Полевая артиллерия с ними не справлялась, и вокруг из окопов стреляли датчане. Тут могут помочь пушки кораблей или авиация.

Стемнело, атаки прекратились. Датчане прощались с павшими, рыли могилы и грустно смотрели на убитых. Йорген сказал:

– Аксель при жизни много болтал, но иногда говорил по делу. Я запомнил его последние слова. Мы действительно очень медленно думаем. Особенно когда стреляем.

За ним священник прочитал молитву, мертвецов зарыли, установили кресты с табличками и спать пошли. А утром ситуация изменилась в корне. Сильно захохотало с вражеской стороны, и немецкие пушки замолчали.

Немцы ведь не усложняли, спокойно установили пушки в мирное время на хорошо подготовленные позиции. Они не ждали нападение русских животных после первого удара, тем более сопротивления датчан. Все немецкие позиции были хорошо известны, их русские корабли уничтожили первыми.

Из тыла датчан прибывали подкрепления, и снова откуда-то взялась датская артиллерия. На занятые европейцами позиции обрушился огневой налёт. С новыми силами датские солдаты пошли в атаку на узком направлении. К обеду прорвали фронт и прижали европейцев к морю. Эти ребята не сделали перерыва даже на ночь, уничтожали врага, пока шевелился хоть один европеец.

Таким образом, европейцам пришлось нападать на Данию с нуля. Со всей Европы срочно собиралась авиация, но она почти не помогала солдатам. Самолёты атаковали русские корабли. Теряли машины, чтобы те не стреляли, а уходили, маневрируя.

Но тут же приходили другие корабли русских и морскими калибрами гасили артиллерию Европы. Одни пушки выбывали, их с других позиций заменяли новыми – на них только и держался фронт.

А в это время под огнём европейцы с зарядами ползли к датским дотам. С потерями они не считались – Дания была костью в горле Европейского Союза. За месяц всё-таки преодолели линию укреплений на узком перешейке и вырвались на датские просторы!

Только мирные датчане перебрались в Швецию и Норвегию, даже король перенёс двор в Осло. А Копенгаген вообще-то на острове! Там пролив узкий, ещё можно попытаться атаковать, используя превосходство в воздухе. Но дальше его, превосходства в воздухе, уже не будет – аэродромы скандинавов рядом.

Как при таких делах идти в Швецию, один бог знает. Но идти придётся. Необходимо полностью закрыть датские проливы, чтобы новейшие корабли Балтийского флота Гардарики после восстановления не смогли помочь Англии и не занялись портами Голландии и Франции.

И что-то нужно делать с налётами бомбовозов Князя Москвы. Каждую ночь из Крыма на Румынию вылетают около тысячи бортов! А когда там не станет нефти, они начнут из Скандинавии летать на Германию? Прямо на Берлин?!

Глава 2

Началась моя «неизвестная война». Низкий поклон Петру Васильевичу, что в последний момент сумел меня озадачить и насторожить. Казалось же, что мне, попаданцу, почти всё о войне известно.

И в поезде я вспомнил отдельные книжки про войну. Мама в той жизни такое чтение одобряла и советовала, хотя сама, конечно, не читала. Это из меня должен получиться нормальный мужик, а ей всё равно пол не позволяет.

Так в тех книжках часто встречались парни, кто тоже всё знали. Они легко рассказывали, где находятся страны, упомянутые в сводках, объясняли смысл любого явления от статьи в газете до молнии на небе, и почему гром потом.

Умники шутивно спрашивали читателя, чем же заняты политические работники, и с непременным юмором их описывали. Политруки, как правило, не имели даже среднего образования, когда литераторы закончили солидные десять классов, а некоторые даже начали учёбу в ВУЗах.

Иногда это был сам автор или писал его друг по воспоминаниям, и они отмечали странную опеку матёрых, резких, удачливых, но обязательно «простых» солдат. Это объяснялось тягой к человеческому отношению и благодарностью.

Намного реже приводилось мнение об умниках самих «простых» солдат. Первым Лев Толстой блестяще описал, как нянчились артиллеристы с Пьером Безуховым. «Они ж не могут». И «всё равно их убьют ни за что».

В глазах «простых» солдат эти умники стояли не выше милых домашних животных. Кому-то солдатский бог посылает щенка или котёнка, но они же совсем тупые и медленно бегают. Другое дело «благородия» – даже забавно говорят.

Солдаты и сами могут рассказать о войне, только никогда слова не скажут. Политрукам хватает корявого чтения по бумажке на партсобраниях, они тоже солдаты. За ними ведь никто не ходит, так же воюют и ещё живые.

Мне на моей «неизвестной войне» нужно понять, о чём же молчат солдаты. Не для того, чтобы всем рассказать, вовсе нет. Просто чтобы стать солдатом и немножко выжить.

Отмечать про себя несоответствия с известным вариантом войны начал ещё в поезде и не останавливался. Вот вскоре после разговора с ротным подошёл с автоматом на шее наш взводный младший лейтенант Вася Денисов с тоже вооружённым автоматом первогодком Андреем.

Вася поставил пацана у нашего танка охранять, а нам приказал вооружиться штатными автоматами и с ним немного погулять. Запретил задавать вопросы и вообще издавать громкие звуки, велел смотреть в оба и сразу стрелять.

Разобрались мы неровной цепью и неспешно двинулись вокруг располаг. Думаете легко разместить под деревьями более семидесяти танков? И занимают они места будь здоров.

Расположили ведь с умом. Сам бы не сразу понял, что тут стоит танковый полк, если бы случайно наткнулся. И ничего не понявшего случайного человека просто пристрелит патруль, каковым мы без всякого сомнения и являлись.

Гуляли примерно часик. В окончании прогулки взводный Вася очень рекомендовал нам снизить темпы осмотра матчасти и отоспаться, но далеко от танка не отходить. Забрал малого Дюшу и ушёл.

– Пошёл за другими бедолагами, – проворчал командир Серёга, расстилая под берёзкой мешок и комбинезон.

Свой автомат он далеко убирать не стал, почти весь экипаж молча поступил аналогично, только заряжающий Паша уточнил:

– За кем это?

Тоже занятый устройством спального места Дима проговорил:

– Ну, за другими экипажами. Кто-то обходит дозором, а кто-то стоит на постах, – он неожиданно улыбнулся. – Так если ты спать не хочешь, я возьму твой комбез?

– Отставить комбез, – холодно сказал я. – Приказываю спать, Паша.

Дима ко мне обернулся и поднял насмешливые глаза. Встретился с моим взглядом и отвернулся, проворчав:

– Я ж спросил только. Уже и спросить нельзя.

Павлик тоже понял, что тут не шутят, и покладисто стал укладываться. Я сложил в пустой мешок котелок и кружку, нарвал туда для объёма травы, и положил его под голову, а сам спиной улёгся на комбинезон. Расположился в тени клёна и приказал себе чутко уснуть.

Однако не спалось. В экипаже гремели котелками и кружками, шуршали травой по моему примеру. Павлик спросил разрешения развести костёр, и Серёга сказал, что ему тут не пикник.

От соседних танков с одной стороны доносился перезвон гитары, а с другой, судя по глазам:

– Лошадью ходи! – играли в шахматы.

И вообще днём спать не привык, оттого одолевали мысли. Вот в Корпусе те же люди скорого столкновения с врагом не ждали, но готовились к будущим сражениям каждую минутку.

А тут, когда бой может начаться сию секунду, каждая свободная минутка используется для отдыха. Большинство подсознательно используется, я один, наверное, умный. Ну и ещё два-три парня всё понимают, но мы никогда не скажем...

– Хорош уже впрок топить, – растормошил меня Павлик. – Питаться пойдём.

Я сразу проснулся и, вынимая из мешка манерку и кружку, думал, что спать про запас не бином Ньютона, нечего тут понимать. Прошёл с экипажем и занял очередь к одной из полевых кухонь.

Потёр рукой лицо, чтоб точно проснуться, отметил странность. Под рукой военный городок со столовкой, а готовят рядом в полевых условиях. Военная часть должна сверху выглядеть брошенной.

И солдатики из obsługi точно не местные военные. Как я это определил? По внешнему облику. Парни все одного возраста, около тридцати лет, и смотрят на вчерашних кадетов спокойно, что первогодкам не свойственно. И у каждого на груди знак автобата, а на правом рукаве герб Москвы и под ним надпись:

«Дружина боярина Большого».

Не, на рукаве любое можно написать, только по внешнему виду и поймёшь, что не вчера мобилизовали...

Получили мы первое, а за вторым снова пришлось отстоять очередь. Поедая суп, я твёрдо для себя решил под второе блюдо добыть миску. На войне главное устройство с питанием, а на втором месте гигиена. Но тут надо посмотреть, что решат командиры.

Закончили с питанием и вернулись к накоплению сил до вечерней кормёжки. После ужина взводный собрал у своей машины все три вверенные ему экипажа, включая свой. Предупредил, что под покровом темноты предстоит переход. Приказал не спать, а лучше размяться и ополоснуться. Все последовали рекомендациям.

В половину десятого снова пришли члены экипажа взводного и позвали к его танку. Вася конкретизировал задачу: сначала долго идём в своём взводе, потом выстраиваемся, и по его сигналу атакуем. Все команды флажками, радио только на приём. За попытку самовольного выхода в эфир до контакта с врагом расстрел на месте – исполнить нарушителя обязан каждый.

Экипажи, отдав честь, ответили:

– Слушаем.

И Вася сказал:

– Тогда бегом по местам.

Мы сорвались, как на пожар. Бежали без фанатизма, но всё-таки довольно быстро – по приказу командира кадеты просто не умеют иначе запрыгивать в танк. Ещё не пробовали.

Сажу себе спокойно, от скуки смотрю в прицел. По приказу Сергея Димон запустил двигатель. Ещё немного посидели и начали движение. Быстро смеркается, Дима включил фары.

В прицел вижу командирскую машину и тёмные силуэты деревьев, идём по лесной дороге не быстрее тридцати километров. Паша от скуки всего через час начинает звереть.

Я один маг в экипаже, чувствую парней. Я их и раньше ощущал, просто не заострялся – это точно от меня не убежит. Но что делать наводчику на переходе ночью?

Дима тоже скучает, он бы даже уснул, но ему нельзя, нужно вести танк за передним и соблюдать дистанцию. Командиру Серёге можно пока вылезти в свой люк. Я иногда смотрю в прицел.

А что остаётся семнадцатилетнему заряжающему Паше? Спать сидя в танке на марше? Я хоть в прицел могу смотреть, а ему только и дела, что медленно звереть.

Я парня немножко поддерживаю. Мог бы и усыпить, но лишь по его просьбе. С которой тот никогда не обратится из-за гордости, а сам я давно не лезу к людям без необходимости...

Серёге надоело наверху, и он сел пока на своё место, сказав в шлемофон:

– Заряжающий и наводчик, попробуйте поспать четыре часа.

– Угу, – проворчал Паша.

Через минуты пацан отрубается, а за ним засыпаю и я. Приказ командира – совсем другое дело...

Просыпаюсь и сразу смотрю на часы со светящимися стрелками. Спал ровно четыре часа.

– Просыпаемся, – говорю в шлемофон.

– Есть, – зевнул Павлик.

– Счастливчики, – по внутренней связи вздохнул Дима.

– Рассвет скоро, потерпи, – сказал командир.

Вот так. Какая-то часть машин полка – я достоверно знаю только про две – за летнюю ночь в неизвестном направлении по лесной дороге переместилась на сотню с лишним километров. Танки не только пушки и броня, они ещё быстро и далеко бегают.

Дима погасил фары, в прицеле проясняется картинка. Выезжаем из лесу, успеваю заметить впереди другие машины. Перед нами безымянная высотка. Сергей командует Диме:

– Встаём в ряд.

Командир торчит в люке. В прицел вижу окопы почти до вершины, на склоне почерневшие от копоти третьи и четвёртые «панцири» немцев, ниже обгоревшие и покалеченные наши «Ратник-28», трупы в серой форме там да сям. Густо взмываются султаны разрывов – с той стороны высоты вслепую бьют миномёты. На её гребне наблюдателю долго не просидеть.

Мы занимаем место в первой шеренге пятнадцати «Рысь-1». Всего две роты. Кто за нами, я не вижу, да оно мне и знать не нужно. Серёжа падает в своё кресло, опуская люк, и говорит:

– Фугасный! Наводчик, мочить гребень по готовности!

Я уже задрал пушку. На гребне появились фигурки в сером, жму на спуск. Паша досылает второй снаряд. Сергей говорит:

– Дима, полный вперёд.

Танк срывается с места, летим к вершине, не прекращая стрелять. Наверху появляются силуэты сразу трёх вражеских машин. Но команды на бронебойные Сергей не даёт. На всём разгоне крою фугасными по площади.

Неприятельские танки стреляют, нам прилетает в лоб башни. Танку фиолетово, а каково экипажу?

Враги одновременно вспыхнули! За нами точно идут свои машины – для таких попаданий нужна «дорожка», а наша шеренга бежит без остановок. Вражеские танкисты покидают машины и попадают под фугасные снаряды. Командир говорит водителю:

– Дима, на пригорке стоп...

А на гребне показались уже четыре вражеских «панциря»! И это почти в упор!

– Паша, бронбойный, – сказал Сергей.

Снова нам прилетает в лобовую проекцию! Противник у меня в прицеле, ловлю раскачивание пушки и давлю на спуск. Мой первый горит, перевожу ствол правее...

Ну, же Павлик! Снаряд в пушке, огонь. Загорелся второй. Ствол вниз...

Танк выкатывается на гребень и замирает, снаряд на месте. Ух, а вас тут много! Бью врага с сотни метров, промазать трудно. Особенно стоя на месте...

Рядом вспыхнули один за другим двое врагов – я тут не один. Рядочком встали на горе две роты «Рысь-1». Враг тоже идёт двумя шеренгами по пять машин, перевожу стрельбу дальше...

Из-за наших спинок выкатились ещё пятнадцать «рысей» и без остановки летят вниз под нашим прикрытием. И тут вражеские танки пока кончились. Сергей командует:

– Дима, вперёд. Паша, фугасные. Артём, крой по готовности окопы.

Теперь мы во второй шеренге атакуем вражеские позиции. Паша подаёт снаряды, как робот, стреляю без остановки.

Передние переходят на пулемёты и автоматические гранатомёты. У немцев тоже есть герои, гибнут, но у трёх машин сорваны гусеницы. Другие стать героями не успели, просто расстреливаем.

Передние машины устремились в ближние тылы неприятеля, к его батареям. А мы утюжим траншеи противника, пока нас не догнала своя пехота – у них такие вещи получаются лучше.

Серёга разрешил пока вылезти наружу, размяться. А потом будет завтрак...

Прям в наклоне и застыл. На гребне показались танки нашего полка. Пока медленно разгибался и оглядывался, сорок машин проехали мимо куда-то во вражеский тыл. Взгляды экипажа сосредоточились на командире. Серёжа нехотя пояснил:

– Наверно, у них своя задача. Мне не докладывали.

* * *

Вопрос с гигиеной понемногу решался, хоть и пришлось проявить смекалку. Вначале хорошо помогла своя пехота. Или не совсем моя, у ребят на рукавах герб Смоленска и надпись: «Дружина боярина Касатки».

Подошёл ко мне взводный Вася с пехотным молодым и бывалым младшим лейтенантом и говорит:

– Вот ребята обшарили немецкие блиндажи и предлагают на продажу разные трофеи. Часы, расчёски, фляжки, мыло и зубной порошок. Есть даже патефон и радио. А говорят, что у тебя должны быть деньги.

Я, вообще-то, даже на учёбу таскал в кармашке тысячу рублей, чтобы были. В Корпусе тратить их почти что и негде, только на пирожные в буфете и канцтовары в киоске. Комплексы, наверное, с прошлой жизни. А на войну Катя сунула мне десять тысяч.

Однако ещё с прошлой жизни я ужасно не люблю тратить свои деньги, тем более на всякую ерунду. А потому посмотрел я ласково на лейтенанта и, сунув руку в карман, вытаскиваю пустую ладонь и протягиваю ему:

– Давай на все. Вон Вася выберет.

Он забрал и спрятал в карман воображаемую пачку рублей, молвив:

– Отлично, – и взял Васю под руку.

Мой взводный тоже не-маг, увидел деньги и слегка попутал. Но что ему делать-то? Примерно через полчаса идёт Вася с пехотным младшим лейтенантом, а с ними пехотный лейтенант средних лет, явный маг.

А я стою со своим экипажем, внимательно слушаю командира Серёгу, как тот разбирает прошедший бой. Он замолчал на полуслове и уставился мне за спину, но я, сделав умное лицо, на него смотрю.

– Кхм-кхм, – откашлялись сзади.

Медленно оборачиваюсь и насмешливо смотрю в зелёные глаза пехотного мага. Правильные черты его лица официально холодны, но я-то чувствую его злость.

– Ты давал моему офицеру деньги? – спросил лейтенант ровным тоном.

– И кто меня спрашивает? – лениво поднимаю я правую бровь.

– Боярин Касатка, – снисходительно поведал он.

– А я боярин Большов, – изобразил я улыбку. – И денег твоему офицеру не давал.

– Говорил же, что он жулик! – воскликнул всклокоченный пехотный младший лейтенант с синяком под левым глазом.

– Сейчас второй глаз засвечу, – пообещал ему мой взводный. – Я сам видел рубли!

– Магия, – сказал я Васе и повернул участливое лицо к Касатке. – Какие деньги, пехота?

– Так за трофеи же, – сказал маг.

Вся злость его оставила прямо на глазах. Я улыбнулся чуть душевнее и уточнил:

– А вы бы тут без моих танкистов стояли?

Не, формально он прав, всё захватила пехота. Но формально он ещё и обязан вызвать меня сию секунду на дуэль. Фронтовиков не вызывают только в тылу, а не когда вот так – нос к носу и при оружии.

– Половина всего устроит? – проворчал боярин.

– Устроит, – проговорил я и обернулся к взводному. – Продолжай общение, Вася.

Тот душевно взял коллегу под локоток. Поникший пехотный младший лейтенант позволил себя увести. Касатка сказал мне:

– Отойдём?

Я кивнул и прошёлся с ним немного. Он остановился и протянул мне широкую ладонь, сказав:

– Игорь.

– Артём, – ответил я, пожав руку.

– Я думал, ты выглядишь старше, – проговорил Игорь. – Кстати, и за «Ратников» тебе спасибо. Не хотел, так знакомые прямо уговорили взять в дружину пять машин, пока не подорожали.

– Помогли? – спросил я.

– Не то слово, – сказал он. – Мы без танков тут бы не удержались.

– Не пойму немцев, – признался я. – Отчего они на танках не обошли высоту?

– В обход дороги узкие, – объяснил Игорь. – С одной стороны лес, с другой речка, а в середине высота. Всё простреливается и заминировано. Тут только через горушку, а на обратном склоне оборона, и танки меняют позицию, – он вздохнул. – Берегли их, прятали, да при таких делах всё заканчивается.

– Выходит, что мы вас ещё и спасли, – хмыкнул я.

– Выходит, – согласился боярин и сказал. – Вам на танки десант не нужен? А то ж мы сейчас третью состава и без своих танков.

– Это надо с комбатом говорить, – развёл я руками. – Я же Корпус не закончил, наводчиком тут.

Игорь снова вздохнул и неожиданно просто мне улыбнулся:

– Ну, скоро звёзды дадут, обстреляют только. Я ведь тоже сержантом начал, это высота у нас вторая. После первой стал заместителем у своего капитана.

– Первый мой бой, – признался я.

– Хорошее начало, – одобрительно сказал боярин и весело добавил. – Ну, пара спокойных дней у нас есть, ещё потолкуем. Бывай.

– Пока, – сказал я.

Пехотинец пошёл на позиции, а я вернулся к машине помогать своим осматривать технику и чистить ствол. Работаем себе банником, а над нами в сторону противника пролетели три биплана с триколором на крыльях. Мы проводили их круглыми глазами с раскрытыми варажками.

– Так вот что это был за рокот! – сказал Паша. – А я всё думаю, думаю!

– Продолжаем работать! – скомандовал Сергей.

Потом пришёл лично комбат старший лейтенант Дёмин. Боярин с боярином договаривался о трофеях, так потребовалось, чтоб я сам занялся или уполномочил командира. Я серьёзно его уполномочил и вернулся к своему занятию.

Мне боец притащил трофеи: Мешок вещевой, заплечный и комбез почти новый, а постираю сам. Две пары ботинок. Зеркальце, расчёску, флягу, котелок, опасную бритву, коробку зубного порошка и зубную щётку. Ручка перьевая, заправленная, пузырёк чернил и пачка чистой бумаги. «Парабеллум» в кобуре, две полные обоймы и большой нож в ножнах.

Посыльный перед боярином отчитался, что карты с голыми девками и порно-открытки сожгли, мундштуки и сигареты просто выкинули, шнапс передали лекарям. На взвод приходится по компасу, часам, биноклю и губной гармошке, уже осваивают. Пехота забрала радиоприёмник, они его перенастраивают, а нам в штаб достался патефон с немецкими пластинками. Есть прикольные, только поют непонятно. Карты и документы забрал мой особый отдел, но изучают пока совместно.

Я принял трофеи с докладом и отпустил воина. По очереди сходили с пехотинцами на речку искупаться и постирать шмотки, развесили на пушке и разложили на броне. В полдень добрались до нас полевые кухни, да приехало автохозяйство.

А к вечерней кормёжке прибыли машины от дорогого Совета обороны, и нам выдали пакеты индивидуальные гигиенические, санитарные и коробки сухая на двое суток. Отчего ж сразу с танками не дали? Чтоб были злее в первом бою?! Ох, чувствую, оно не к добру.

Или тогда командование не было в нас уверенно? Устроили построение, и командирам на всех стопками выдали нагрудные знаки на парадку, чтоб пришили сами. Такие вертикальные овалы с изображением танков. Дают танкистам за настоящий бой! Наверное, мы должны что-то почувствовать...

Блин! К знакам положены две серые полоски – первые степени. Провёл до 10-ти боёв и уничтожил до 10-ти танков противника. Пацаны знаки пока пришивать не станут, я точно отложу на будущее.

Зато пехоте привезли из дома почту, а у танкистов принимали первые письма с фронта. Под уже узнаваемый рокот наших бипланов опробовал трофейную ручку и бумагу:

«Здравствуйте, мои дорогие и любимые! Привет, Катя! Привет, Светочка! Привет, Миланья! Привет, Надя! Привет, Клава!

Доехал я хорошо. На месте устроили нормально. Напишите мне на адрес дружины, как у вас дела, как самочувствие.

Ваш Артём».

* * *

Сразу после гигиены остро встал вопрос досуга. Вроде бы, какие на войне с досугом трудности? Если ещё живой, спи впрок или стреляй. Увы, спать круглосуточно не могут даже все маги, а я тут летаргию ещё не освоил. Просто знаю, что должно быть заклинание, да не пробовал. Всё как-то недосуг.

И одолевают разные мысли. Вот сам прекрасно знаю, что думать вредно, однако иные мысли настырно лезут в голову, преодолевая все барьеры. Взять, к примеру, боярина Касатку. Он не соврал, я бы это определил сразу.

Его дружина первым приказом защищала некую высоту. Как оно вписывается в ситуацию! Совет бросает дружины в оборону, даже кадетские корпуса едут на фронт!

Значит, дружина Игоря защищает горюшку, и боярин за это время из сержантов становится лейтенантом. Причём, с начала войны прошло три недели. Можно за это время стать офицером? Ну... если он изначально занимал офицерскую должность... и боярину кинули лейтенанта...

И не завидую я совсем, не в том суть. Какое-то столкновение с врагом точно было, иначе бы Игорь высоту не упомянул. И дружина отошла. Ушла по приказу, за бегство даже боярам званий не дают. Сколько оставила народу, Касатка не сказал, но тогда танки оставались – я насчитал на втором склоне пять обгоревших остовов.

Что имеем в результате? Неприятель наталкивается на ожесточённое сопротивление. Неожиданно наталкивается, знал бы заранее, обошёл. Или тоже слишком далеко обходить. Европа прикладывает усилия, тратит солдат и технику, но оборону пробивает. Даже привыкает к такому.

И тут появляемся мы на танках! А мы все должны сгинуть в пехоте, кадетов же в панике бросили на фронт. Ладно, разведка европейцам про кадетов ещё не доложила, просто неожиданно атакуют танки.

Внезапной атакой сожгли семнадцать «панцирей», порешили батальон пехоты и сколько-то гаубиц. Враг взамен кого-то из пехоты ранил и убил, да сбил гусеницы с трёх танков – их к вечеру починили.

А сорок машин ушли в европейский тыл чего-то делать. Это точно диверсия, хотя напакосят неприятелю братцы на хороший прорыв. Что ещё могут сорок танков без пехоты и артиллерии? У них в баках всего на пятьсот километров, сто из которых потратили в тылу...

Правда, я ж не видел, может, их долили перед делом. Всё равно пятьсот километров хода немного, это точно диверсия в тылах. Только европейцы не знают, и будут реагировать на всю катушку.

И, пожалуйста, не смейтесь, вечером в дружину Касатки пришло пополнение и семь «Ратник-28» от Совета обороны. Ребята займут позиции и будут ждать врага, как ничего не случилось.

Мы же заправились, загрузились снарядами и пулемётными коробами, закинули трофеи в машины и поздно вечером уехали в тыл. Даже свои могут думать, что угодно.

И я могу что угодно думать на переходе летней ночью. Досуга навалом, да заполнять его нечем, вот и лезут непрошенные мысли. Даже мне, боярину, в штабе карты не показали, только Касатка назвал близлежащий городок. Название мне ничего не сказало, какое-то южно-русское, а боярин поведал, что мы в пятистах километрах от границы.

Вообще, не в курсе, много это или мало за три недели нападения. Больше двадцати километров в сутки, вроде, приличные темпы? С такой скоростью до осени европейцы подойдут к Москве. Хотя мы тут по идее защищаем Кай-ёв.

А ведь могут дойти, если скорость не снизится. Если нападение действительно внезапное. Блин! Сам лично столько делал, чтобы оно не стало неожиданным, и всё-таки сомневаюсь. Дружины же реально поставили в оборону! И кадетов послали на фронт!

Ага, и кадет Большов едет ночью в танке, рассуждая о стратегии. Сам кадет не погиб с ружьём, и танк его не захватили на границе. Совет обороны выделил машины из запаса и сформировал танковый полк.

Приехали мы на фронт запросто, авиация врага не досаждала. После танковой атаки мы спокойно занимались бытовыми делами, и Касатка не жаловался на постоянные нападения с неба. Вот артиллерия у немца хорошая, и миномёты он любит, а про самолёты боярин не говорит.

Значит, нет у врага сил бомбить позиции, и на все коммуникации он не может нападать. Наседают враги на важнейшие объекты, а там хорошо отбиваются.

У нас тоже пока совсем нет или очень мало штурмовиков. Ну, полёты «кукурузников» не считаем. А истребители, вроде бы, работают.

Лично видел за всё время только один воздушный бой. Толком ничего не понял, самолёты кружили в высоте. Да и не стал я стоять, задрал голову, никто из ребят вокруг на суету в небе внимания не обращал. Просто там делали свою работу, и точно толпой никого не избивали.

Получается, что русская авиация не уничтожена внезапным ударом? И танки враг не спалил? Европа не захватила богатые трофеи и воюет на свои? Тогда по науке русские должны временно оборонять удобные позиции и отходить перед значительно превосходящими силами. Просто ещё идёт мобилизация страны. Всё по плану.

Но откуда это ощущение паники? Кадетам не дали доучиться, дружины поставили в оборону...

Хотя кадеты и должны стать военными, а дружины для того и придуманы. И «Московский еженедельник» комментирует сдержано и общё. Вернее даже ура-патриотический «Московский еженедельник» комментирует очень сдержано и очень общё.

Надо будет ещё посмотреть прессу, но из того, что застал, выводы грустные. Никаких сообщений по сути, никаких версий, лишь официальные заявления советов – не поддавайтесь панике, отстаньте, мы работаем.

Нормальный русский сразу впадает в панику, у него единственный вывод – это полный и бесповоротный этот... конец. Я тут в танке ещё располагаю фактами, что-то сам вижу, а простые ребята у станков? Мдя. В этой реальности русские тоже не умеют в информационную войну!

* * *

Под утро встали в чистом поле на окраине небольшой деревеньки. Заглушили мотор, вылез я из танка и к стрекотанию сверчков получил уже привычный треск наших бипланов. Командир велел водителю Диме спать, мне и Павлику охранять его с танком, а сам пошёл к взводному узнать новости.

Рассвело, за селом забухали разрывы и принялись бить из пулемётов. Паша с умным видом выдвигал сто первую версию того, что там творится, и зачем мы тут всё ещё стоим, а я его внимательно слушал.

Пришёл очень деловой командир. Он разбудил Диму и приказал всем занять места. Мы шустро запрыгнули в люки, водитель понятливо запустил двигатель, а Серёга по внутренней связи дал вводную:

– Завтрак дадут после дела. Сейчас обходим деревню, расходимся и помогаем пехоте атаковать вражеские позиции.

После прогрева поехали воевать. Между позициями метров триста, едем двумя шеренгами потихоньку и с короткими остановками, чтоб не передавить своих пехотинцев. Серёжа связался на общей волне с неким ротным и с ним координирует продвижение.

Парни перемешаются перебежками и стреляют из винтовок. Я тоже стреляю, Паша один за другим подаёт фугасы. Первыми выстрелами заткнули пулемёты противника – почти в каждом танке маги. Я просто чувствую врага и неплохо освоился с пушкой.

Перед первыми окопами врага Серёга начинает автоматический отстрел из внешних гранатомётов. Нам везёт, оба ещё работают. Позиции неприятеля накрывает разрывами.

Сыплется земля, и пехота вжимается в землю, а Дима начинает разгон. Танкам нужно очень быстро преодолеть вражеские траншеи...

Чёрт! Противотанковые пушки дождалась целей! Успели сделать по три выстрела, кого-то точно подбили практически в упор да ещё и сбоку. На разгоне особенно не прицелишься, но я тут маг на секундочку – дружно разносим засады.

На скорости приходим через линии вражеских окопов. Где тут позиции полевой артиллерии?

– Вперёд, Димон! – командует Серёга. – Это только присказка, вся сказка впереди! Паша, броневой! Тёма, дальше будут танки!

Угу, у командования свои планы. Но отчего ж мы не встретили «панцири» на позициях? С каждой секундой всё интересней...

А пока я всё это думаю, Дима на всей скорости за передним танком обходит высотку и спускается в низину. Опачки! Бью с ходу врагу в корму. Взорвался сволочь.

Пашка хватается броневой, Дима чуть гасит скорость и делает «дорожку», я перехожу на следующую цель...

Вот пока всё это происходит, вкратце о сути. Очень много вражеских танков устроили в низине засаду и даже кого-то дождалась, уже стреляют. А тут мы такие.

Рывкнула пушка, второй пробит и загорелся. Паша тащит новый снаряд, я хватаю другую цель, а Дима стоит на холостых – на нас же пока не смотрят. Выстрел!

Дима едет вперёд, а то мы ж тут не одни, позади наши тоже хотят пострелять. Да и враги приходят в движение, разворачивая башни. Ладно, подождём...

Сразу четыре «панциря» впереди задымили. Молодцы, парни!

Ещё трое. Дима, когда дорожка?

Снова четверо! Сколько можно, Дима!

Блин, тут враги почти кончились. Кто-то, огрызаясь, едет на горушку. Хрен с тобой, Дима. Ловлю раскачивание пушки и жму на спуск. Последнего пробивает пять снарядов...

– Дорожка! – кричит Дима.

– Иди в жопу, – ворчу раздражённо. – Враги закончились.

– А я снаряд почти вставил! – воскликнул Павлик.

– Заткнулись все, – торжественно сказал Сергей. – Всё кончилось, вы молодцы, просто помолчите пока.

Из подбитых машин выпрыгивали враги и разбежались. Кое-кто побежал за ними с автоматами и сёк очередями. Некоторые вставали с поднятыми руками, таких просто расстреливали.

Нам запрещено только пытаться, в остальном полная воля. Вот если сдал европейцев в особый отдел, и к ним приставили охрану, тогда они считаются пленными по всем конвенциям.

Но меня не волновали эти европейцы. Нам навстречу выезжали танки «Рысь-1», те самые, кто ушёл врагу в тыл. Всего двадцать пять машин из сорока с лишним. Да мы оставили на немецких позициях около десятка. У меня сжималось сердце. Полк отведут на доукомплектование...

* * *

Вообще-то хулиганы наши в рейде взорвали четверых с повреждёнными гусеницами. Негде было чинить. Большинство машин потеряли в засаде, в которую сами же и полезли по приказу.

Общими усилиями мы уничтожили пятьдесят четвёртых «панцирей», целый немецкий батальон. Этот денёк европейцы должны запомнить! Хотя для большой войны обычные потери.

Убили нашего командира Лунина со всем экипажем. Он в головной машине лично вёл танки в прорыв...

Рыжие близнецы были живые, и Костю Гаева бог миловал. А мне дали маленькие звёздочки младшего лейтенанта, но я воспользовался боярством и остался в экипаже. Люблю пострелять из пушки.

Отвели всё-таки наш полк в ближайший городок. Уже прислали нового командира капитана Антонова Петра Алексеевича и другое пополнение. Сегодня-завтра дадут танки, и поедem воевать дальше.

Получил из дому письмо. Все меня целуют, шлют приветы и очень беспокоятся. Приложили Светкин пальчик в чернилах. Миланья от себя добавила, что всё сильно подорожало, особенно свежие овощи, но наличных денег в сейфе много и хватит надолго. Тут же им и ответил, что дали первое офицерское звание, и в остальном всё хорошо, делаем свою работу.

Забегал в школу города и выпросил журнал с задачами по математике с олимпиад за прошлый год. За этот будут только осенью. Больше забивать себе голову всякой ерундой я не буду.

Нет! А как это ещё назвать! Посмотрел я недавнюю прессу. Враг наступает, а мы отражаем и перемалываем. Нужно всем быть готовыми, сплотиться и не паниковать.

А где герои? Где достижения? Наш танковый полк только каких дел уже наворотил, и ни одного фронтового корреспондента! Они, вообще, есть в Гардарике?

Правда, бойцы говорят, что недавно были в городке проездом московские звёзды, давали бесплатные концерты и в госпиталях выступали. Только я таким и в мирное время не интересовался. Лучше в перерывах между подвигами буду думать о математике.

Глава 3

Звёздочку мне формально дали за вклад и участие, а фактически представили к званиям всех наводчиков, кто подбил хоть один вражеский танк. Понятно, что мы в большинстве оказались магами. А вторым ходом самым естественным образом лучшим из новых младших лейтенантов предложили возглавить родные экипажи.

То есть пацанам приказали, а я по-боярски командование послал, дескать, не считаю себя готовым. У нас вон Дима есть, пускай лучше его забирают, а Серёгу чтоб оставили. Командование моё боярское решение спокойно съело.

Имею право, и я ж не ставлю под сомнение компетентность офицеров, просто сам пока не хочу. А командованию хорошо известно, что кадеты-наводчики освоили все танковые роли, кроме командирской, однако уже три года прям в танке наблюдают действия разных командиров.

Пора им покомандовать хотя бы в своём экипаже из лучших в Гардарике солдат, а старшим нужно переходить на следующий уровень, собирать команду из солдат, каких присылает Совет обороны. Все говорят по-русски, в остальном прикладывайте навыки и терпение. Много терпения.

Дима опять хотел откосить, но пошёл как миленький. Вот станет боярином, тогда и будет выпендриваться. Ушёл он печальный командовать, а вместо него дали рядового Алёшу.

Даже жизнь мира магии грустная и смешная. Поступил парень в позапрошлом году в Корпус, и осенью ещё на первом курсе почувствовал, что не вывозит, сам написал рапорт о переводе.

Отправили его в танкистскую учебку, какую ж ещё. Лёша там стал одним из лучших водителей, и ему предложили остаться младшим инструктором. Но вот началась война, и парень попросился на фронт. Просьбу уважили, он приехал...

И уж мою-то рожу Алёша вспомнил сразу. Я сам сначала дёрнулся догонять Диму, а потом подумал спокойно. Для всех Корпус закончился, тут на секундочку война, а не физкультура, и перед командиром Сергеем неловко.

Влился парень в сплочённый коллектив, узнал я подробности, а он стал нашим Алёшей как единственный не кадет. Фамилию Алёша имел Тетюнин и полностью её в быту оправдывал.

Он умудрялся опаздывать даже к штатным кормёжкам, не говоря о нештатном добывании корма. Алёша что-то мямлил штатским и терялся. Его вечно обделяли, обманывали, бедняга сам не мог постричься, постираться и заштопаться. К счастью пробивной Павлик взял над ним шефство.

Заряжающий Паша будучи одного с ним звания, и всё-таки закончив первый курс Корпуса с отличием, в свободное от быта время одолевал его отработкой эвакуации, которую Лёша у нас не застал.

А тот из чистой благодарности приобщал Пашу к управлению. В танкистскую учебку направляли трактористов, и с ними вводные занятия почти не требовались. Однако Лёша встретил первоначальные трудности достойно, терпеливо объяснял и показывал, а Паша уверенно прогрессировал. Всю жизнь таскать снаряды он не собирался.

В бою Алёша показал себя с лучшей стороны. Сам магом он не являлся и с моей поддержкой страх успешно преодолевал. Однако у всех есть эффект боя, большинство более или менее возбуждаются. Даже Дима сначала разгорался и потом не сразу отходил от горячки.

Алексей же относился к очень редкому меньшинству, кто в бою становится абсолютно спокойным. Я чувствовал, как он через себя перешагивает, сам помогал сделать этот шаг, и Алёша становился мёртвым роботом. Его не могла остановить самая страшная опасность, он бесстрастно выполнял любые приказы.

Однако за всё приходится платить. После боя, вернув человеческий облик, Алексей погружался, то в депрессию, то в созерцательную прострацию почти на целый час, и это при моей магической поддержке. Но, повторюсь, оно того точно стоило, за виртуозное вождение в каких угодно обстоятельствах никто не волновался.

Полк снова разделили пополам. Целых две недели наши две роты ночами ехали по посёлкам к новым позициям. Иногда просто стояли у посёлков день или пару, заправлялись, отдыхали и снова ехали ночью. А чаще с раннего утра кошмарили просвещённых европейцев.

Здорово, когда тебя не возьмёшь в лоб! Пробить «Рысь-1» немец пока может лишь в бок и с небольшой дистанции, тут главное – не подставиться. И само собой появляемся, когда поздно звать маму. Или матер по-ихнему.

Мы неожиданно атаковали, когда противник спускался по обратному склону. Жгли немецкие танки, расстреливали пехоту и, ненадолго заняв гребень, в тридцать стволов беглым обрабатывали фугасными снарядами резервы. Вражеская полевая артиллерия начинала на это всё реагировать, и мы откатывались в тыл.

Или враг спустился к основанию высоты, давит наши окопы, уже повернул к батареям. И тут мы таки наносим вразрез. Опять горят «панцири», сечём пулемётами пехоту. Прижимаем к подножию высоты и всех убиваем.

А бывает, что без всякой высоты просто по указаниям пехоты занимаем вырытые для нас позиции. Молчим до последнего и, когда наши танки уже трудно не заметить, три десятка пушек под толстой бронёй пробивают в упор «панцири». На врага обрушиваются внешние гранатомёты, кроем из пулемётов.

Или... э... долго всё перечислять, а у военных фантазия богатая. Все варианты сходятся в одном – расстреливаем пехоту и жжём вражеские танки. Воюем в основном до обеда, потом враг пытается понять, что это было, а мы защищаем новые позиции, отдыхаем и вносим изменения в списки.

Парни уверенно пришили на кители знаки танкистов с двумя чёрными полосками – проведено более 10-ти боёв и подбито более 10-ти танков врага. В общем не стыдно людям в глаза смотреть, а детали знает статистика.

В Гардарике нет особых трудностей с учётом, никогда тут не перейдут на территориальный принцип, не будет бессмысленных атак. Командира ведь про его отчёты всегда могут спросить маги.

Всех, конечно, не проверить, только за приписки сразу разжалование и штрафной батальон. Потому при сомнении командиры лучше убавят. Так танк на сопке, пробитый пятью снарядами, записали на полк целиком, в личные списки он не попал.

В общем, можно верить счетам. У не-магов отдельный список, а для машин с магом мы уверенно входим в пятёрку. Трудно сказать, почему мы его стабильно не возглавляем. Серёга осторожничает, или я долго целюсь... хотя куда быстрее в рысьем трансе, даже не знаю.

И дело тут совсем не в гордыне, ибо она грех. От успешности зависит присвоение званий, приятно, когда тобой командуют люди с чинами. А то комбат у нас с начала войны всего старлей. Хотя воюем мы сравнительно недолго.

И вражеских солдат всех на себя записать не можем. Солдатские книжки собирает пехота, потому и за танкистами врага особенно не гоняемся, мочим по ходу дела и за компанию. Так что все солдаты противника уничтожаются совместными действиями – пополам напополам со своей пехотой.

Вообще это грустно. За уверенное уничтожение рядового и унтер-офицерского состава европейцев Совет обороны даёт десятку, за младших офицеров до капитана включительно двадцатку, а за танкистов удваивает.

Кстати, за пленных дают столько же, потому почти и не связываемся – мороки с ними. Проще уверенно расстрелять. Или неуверенно походу выполнения боевой задачи. Мы ж европейцев убиваем не за деньги, а потому что война.

Вот танкистам только вражеские машины и остаются, сто двадцать за каждую на экипаж. Делим поровну, рискуем ведь одинаково. Если что пятьдесят рублей на гражданке зарплата чернорабочего, а специалисты получают около сотни. Спалишь три европейских танка за месяц, вот тебе и получка фрезеровщика.

Правда, за первый месяц мы спалили уже больше трёх, а к наградным ещё и платят денежное довольствие. Тут многое зависит от звания и профессии. И что меня особенно радует, платит исключительно Совет обороны, что дружинникам, что ополченцам, чтобы не было никому завидно.

Вроде, неуклюже прикалывается миллионер и боярин? А вообще ни разу! С обычных счетов можно снять лишь по письменному заявлению минимум, на самое необходимое, а солдатский счёт отдельно.

В прошлой жизни слышал, как немного говорили о выплатах в Советском Союзе, но как-то стыдливо и второпях. Больше упирали на фронтовые сто грамм «за сбитого». В Гардарике водку не дают никому, а выплаты даже рекламируют.

Опасная, трудная работа должна хорошо оплачиваться, и это для русских естественно. Танкисты работают на технике и рискуют головами, они просто не могут быть бедными.

Мне нравится это отношение. Война и подвиги разумеются сами собой, фоном, а по сути каждый на своём месте просто хорошо делает свою работу. Просто работу. Ничего личного, только дело.

* * *

Правильно говорят знающие люди, что война фигня, главное манёвры. Не, когда в тебя стреляют это неприятно – убить же могут. Но ранее у меня такое случалось в основном по выходным, а на войне выходных нет. Втянулись мы в рабочий ритм, и потянулись трудовые будни.

Ночью обычный переход, я и Паша на ходу выспались. Перед ранним летним рассветом Лёша поставил танк. Серёга приказал ему пока спать, меня и Павлика разбудил, а сам пошёл поговорить со взводным.

С рассветом проснулась война. Чуть в сторонке к врагу полетела группа «кукурузников». В отдалении, но не очень далеко, загрохотали разрывы, донеслись выстрелы из стрелкового оружия и пушек. Я узнал голос башенных орудий – нам очень интересно. Мы разминались, а Лёша, не отвлекаясь, спал.

Вернулся командир и сказал нам дожидаться снабжение, а он тоже поспит. Серёга полез на командирское место и временно выпал из кадра, а я продолжил внимательно слушать, что Павлик с умным видом рассказывает.

Кому-то может показаться, что парня несёт, только уж больно много у него возникает мыслей по любому поводу. Сам я от дурацкой привычки думать стараюсь избавиться, а ему нужно выговориться. Получается вин-вин, все довольны.

Подъехали цистерны, и Паша полез будить командира. Пока заряжающий таскал шланг, а угрюмый Серёга расписывался в журнале за полученные литры соляра строго по счётчику, от крытого грузовика пришли два бойца и вручили двадцать коробок сухпая.

И куда его совать? После вчерашнего боя хорошо загрузились трофеями в надежде, что постоим возле какого-нибудь села. Пехота ближе к европейскому имуществу, зато нам проще установить с населением контакт. Этот их южный диалект!

Но ладно, нас деньги интересуют в самом крайнем случае, когда больше нечего взять. Мы охотнее принимаем свежее молоко и прочую сметану, жареное мясо, сало, колбасы, домашний хлеб, отварную картошку, разные пирожки...

В деревне можно и пирожки, тем более не все они с мясом. И забираем, конечно, любые свежие овощи.

А у населения неожиданно вызвали интерес европейские карты с голыми девками, просто картинки и глянцевого журнала того же содержания. Мы их больше не сжигаем, собираем у пехоты и отдаём народу – пусть сами сожгут.

На втором месте европейские пластинки. Патефонов и своих хватает, а иностранная поп-музыка идёт нарасхват. А хорошо всё-таки поют немки:

«Дойчеланд зольдатен унд унтеофицирен»...

Ну, им больше не нужно, пусть свои потешаться. В Гардарику же вся эта европейская красивая жизнь официально никогда не завозилась, только через трофеи люди стали общаться к мировой культуре.

Часы, губные гармошки и другую ерунду берут не так охотно, просто на сувениры. Своего в каждом доме навалом. Бедная, бедная русская деревня!

Хотя речь пока не о ней, а о нашем танке. И так уже ноги не вытянуть, а тут эти коробки. Не танкисты, а коробейники какие-то. На всех немецкий патефон с пластинками, у каждого по три немецких комбинезона, чтоб на одном лежать, другим укрываться, а третий чтоб был. Но не выбрасывать же имущество!

Разместили с грехом пополам сухпай, Серёга разбудил Алексея и всем велел рассаживаться в машине. Лёха запустил двигатель, я от нечего делать в прицел контролирую одну из дорог – батальон встал в круговую оборону на развилке.

А бой в отдалении сместился дальше и почти утих, больше не рывкают орудия, только иногда постреливает отечественный ручной пулемёт. На дороге же появились клубы пыли, какие-то грузовики к нам едут на приличной скорости. Какие ещё грузовики? Снабжение ведь уже приехало...

В лучах восходящего солнца вскоре разобрал кабины. У всех на дверцах трёхцветные круги, наше ополчение. Только форма кузовов под серыми чехлами, словно из прошлой жизни. И дорога неровная, местами идёт под уклон, так на чехлах сверху я разобрал в оптику тёмно-зелёным крупно что-то похожее на мои руны – вроде, крест и ёлочка, или стрелка.

У нас в батальоне на всех машинах замазали «мишень» и нарисовали руны «иду к тебе». Ребята говорят, что помогает от попаданий. Может, и помогает, а может просто подражают боярину. С нами понятно, а этим-то зачем? Наверное, просто показалось.

Командир наш получил флажковый приказ и скомандовал водителю выдвигаться. Выстраиваемся в походную колонну, спокойно едем в сторону недавнего боя.

Добрались до траншей, пехотинец с флажками указывает, где их лучше преодолеть. Переехали окопы, выкатились на твёрдую почву. Но я успеваю заметить уложенные для кого-то настилы через окопы.

Лёша идёт за впередиидущим танком, обходим воронки. Вскоре опять начинаются окопы, и в обороне наши танки «Рысь-1». С утра батальон отбил у немцев эти позиции, а мы едем дальше. Теперь наша очередь в тыл к неприятелю...

Только зачем и через захваченные окопы положили настилы? Мы едем с грузовиками? Хотя оно не моё дело. Я смотрю в прицел, мне нельзя пропустить внезапную цель.

Прокатились немного полем и выкатились на грунтовку. Через четверть часа она прикнула к асфальтовой дороге, ещё увеличили скорость. Минут сорок катились с ветерком.

Впереди иногда постреливают из танковых орудий, строчат пулемёты. На обочинах горящие европейские грузовики, мотоциклы, сами европейцы в мёртвом виде. Пару раз снижали скорость, передние танки сталкивали в кювет машины.

Дорога стала раздваиваться, танки впереди снижают скорость и съезжают. Серёга командует Лёхе:

– Едем в поле. Наша правая дорога, встаём в двухстах метрах от развилки.

Лёха просто рулит за передним танком нашего взвода и останавливается на уставной дистанции. Разворачивает машину к дороге носом. К нам, ничего не понимая, едет целая колонна, три мотоцикла с пулемётами и пять европейских крытых грузовиков.

– Фугасные, Паша, – сказал командир.

Тут я с Серёгой согласен. Мы ж не видим, что под тентами. Вдруг там пехота? Посылаю снаряд в первую машину. Рывкнули пятнадцать танков роты с обеих сторон дороги.

Мотоциклы раскидало взрывом. Грузовики падают на бока, из-под тентов посыпались европейские солдаты с винтовками. Они уже частью покалечены и ещё ничего не понимают, Лёша врезал из курсового пулемёта, а командир из того, что на крыше...

Не! Этот шум я не спутаю ни с чем! За кормой заскрежетали «Катюши»!

– Хватит, Паша, – сказал Серёга, тоже прекратив стрельбу. – Там пока всё.

Среди горящих грузовиков у всех хватает ума не подавать признаков жизни или, вправду, дохлые. Спокойно люблюсь в прицел на пустую дорогу. Минут через пять появился легковой автомобиль, а за ним едут четыре грузовые машины.

– Фугасные, Паша, – говорит Серёга.

Жду, когда колонна остановится у подбитых машин и жму на спуск. Опять у наводчиков сошлись мысли, танки врезали залпом. Вот и посмотрим, кто быстрее заряжает! Наша машина уверенно входит в тройку первых.

– Хватит снарядов, – сказал командир. – Лёха, давай пулемётами.

Чей-то снаряд разорвался в салоне легковушки, грузовикам тоже досталось от тридцати снарядов. Но к работе нужно относиться добросовестно, заработали танковые пулемёты...

Ну, теперь точно не слышалось! Этот вой перекрывает даже пулемёты. Сзади дали второй залп легендарные «Катюши»!

Смотрю в прицел на дорогу. Томительные десять минут никакого движения. И третий раз за кормой завывло!

– Что там творится? – осторожно спросил Павлик.

– Реактивные миномёты, – ответил Сергей. – Уже отработали, сейчас поедут домой, – он грустно вздохнул. – А нам ещё час держать тут позицию, чтоб доехали.

* * *

Эти европейцы, вообще, когда-нибудь по сторонам смотрят? Или они думают, что ставить в поле танки русская народная традиция? Каждому надо доехать до горящих на дороге машин и спросить, что случилось.

Что-что! Сегодня тут всех тупых европейцев расстреливают танки, вот что! Паша пихает фугасный снаряд, а я снова давлю на спуск. Прямо подумать не дают.

Не, я серьёзно решил больше не думать, но начну немного позже. Сейчас же кушать не смогу, если, как следует, всё не обдумаю...

Серёга даёт пока отбой пушке, работают пулемётами. Так на чём я остановился? Да! «Катюши»! Их так уже прозвали? Командир говорил о реактивных миномётах. А название пошло от песни, она тут появилась? Зря я не интересовался современной музыкой!

Хотя оно неглавное, пусть будут без названия. Но это же уму непостижимо! Я, московский боярин, впервые услышал о них на фронте! Да что там, вспомнил о «Катюшах» только здесь.

Зарёкся же сразу лезть с предложениями, чтоб не нарваться на усмешки и вдумчивые вопросы, откуда я это взял. Да и что я могу предложить? Использовать в войне ракеты? Их

и без меня используют тысячи лет. То есть даже о секрете «Катюш» я ничего не знаю. И немцы не узнали до конца войны...

Блин! Они кончатся когда-нибудь?!

– Паша, фугасные! – сказал Серёжа.

Тщательно прицеливаюсь и давлю на спуск. Целых два раза. Взводный решил немного проехаться, Лёха идёт следом. Работают пулемёты, но оно пока не моё дело...

Ага. И немцы не узнали, и никто не знал. Вот это я понимаю секретность в Совете обороны. Только под ударом «Катюш» поняли европейцы, что у русских есть такое оружие.

Теперь подумаем, как оно используется. В принципе та же артиллерия, только менее точная и бьёт сравнительно недалеко. Вроде, до десяти километров.

А по данным пехоты, пушки участвуют в контрбатареинной борьбе и ведут огонь по атакующим врагам. Только с врагами пехота больше сама справляется, на то её оснащают противотанковыми средствами и пулемётами, а вот батареи врага поражаются успешно...

Нет, ну, сколько их там?!

– Павлик, фугасы, – говорит командир.

Ответственно делаю два выстрела. Дальше пулемёты, ко мне не относится...

Значит, позиции противника перед атакой обрабатываем редко. Получается, что с такой точностью и дальностью для массового применения «Катюш» нет целей. Но есть же танк «Рысь-1».

Не надо себе льстить, наш полк не уникален. На фронте есть и другие такие части. В любое время они могут прорвать защиту и проводить «Катюши», примерно, на пятьдесят километров. Плюс их дальность. В залпе, кажется, шестнадцать ракет, а я насчитал десять неправильных машин. За три залпа они сотрут среднюю железнодорожную станцию...

Ну, сколько можно! Паша подаёт снаряды, я стреляю. Под грохот пулемётов проезжаем вперёд...

Станцию они обнулят. Да не всякую станцию, а куда приехали интересные части. И не очень нужны пока шпионы, раз господство в воздухе европейцами не завоевано.

Кстати, это работа штурмовиков, и они точно есть у Гардарики. Уж я-то знаю! Но знают о них европейцы? Есть сомнения. Только оно пока не существенно.

Штурмовики потребуют сопровождения истребителей, а их лучше использовать для поддержания равновесия. Зачем штурмовики, когда есть «Катюши», и танки могут прорвать фронт.

Так что же имеем в результате...

В Европе все такие любопытные? Фугасные, Павлик. Отвлекаюсь на них, жму на спуск два раза.

И что имеем? Любая станция, располага или склады в зоне до ста километров от фронта под угрозой уничтожения. Долго так европейцы воевать не смогут, начнут предпринимать меры. Первое, что приходит в голову, усиление обороны.

Может Европа срочно увеличить выпуск противотанковых пушек? Вряд ли. Значит, больше выроят окопов, нагонят в них солдатиков. Где возьмут силы? А меньше станут рисовать стрелок на картах, к ударам начнут подходить серьёзнее. От фронтального натиска перейдут к операциям.

А нам их оборону танковым батальоном уже не пробить, потребуется больше машин и пехота. И нужна будет перед атакой артиллерийская подготовка, те же «Катюши». То есть оно никак на диверсию не тянет, это тоже целая операция.

Совет с появлением нового оружия резко поднимает ставки. Там всё хорошо понимают? Но с другой стороны, деваться же нам некуда, позади Москва...

– Всё, час прошёл, – сказал Серёга. – Эти у нас крайние. Вылезаем из танка, разомнёмся.

Странный приказ в рейде, но с командиром не спорят. Павлик выпрыгивает первый, я пересаживаюсь на его место...

Эти коробки, блин!

Значит, пересаживаюсь, взяв автомат на всякий случай, и выхожу за Пашей. Делаем по несколько наклонов и приседаний, со сдержанным удовольствием поглядывая на горящие на дороге машины и разбросанные в художественном беспорядке европейские тела.

Из половины танков тоже вышли экипажи, подающим полезно посмотреть, куда ушло столько фугасных снарядов. И разогнать кровь всё-таки нужно.

– Ты ведь умеешь водить? – спросил меня Серёга.

Сдержанно киваю.

– Тогда поведёшь танк, просто идём в своём взводе, – говорит командир. – Я пока посплю за наводчика, Лёха уснёт на месте подающего, а Павлик всем будет командовать.

Паша покраснел, но словесных проявлений скромности от него не последовало.

– Раз всё ясно, по местам, – сказал Сергей.

Запрыгиваю в водительский люк, автомат положил рядом. Ребята уютно устраиваются на местах. Помогаю уснуть Серёге и Лёхе. Из другой половины машин выпрыгивают экипажи, все с автоматами. Переговариваются, указывая на дорогу, разминаются. Через пять минут запрыгивают в танки.

– Водитель, движение за передним танком взвода, – командует Павлик в шлемофоне.

Поехали безобразить далее.

Глава 4

Наши боевые роли за нами жёстко закреплены, но командир имеет право их менять в бою по необходимости. А бой начался, как пересекли вражеский фронт, даже немножко раньше.

Только свою ответственность Серёга не может никому передать, потому сказал он Паше пока поглядывать, а его слова про командование – военный юмор. Ну, всё, чего не бывает, военный юмор. Можно не смеяться, этим военный юмор отличается от гражданского.

Павлик ответственно бдит за командира, остальные спят, а я как маг чувствую экипаж, машину и уверенно себе еду. Ощущение, что вчера только вылез из водительского люка.

Главные вопросы уже обдумал в бою, а сейчас думать лень. Бездумно смотрю в пространство, прекрасно зная, что в мозгах варится решение олимпиадных задач и там же откладываются все увиденные ландшафты. После рейда нарисую маршрут для самопроверки.

Сначала наши роты вернулись к развилке. Всем батальоном немного проехали по асфальтовой левой дороге и свернули на грунтовку. По ней пылили дольше, потом свернули в поле...

А хорошая нынче уродилась рожь! Или пшеница, всё равно не разбираюсь. Главное, что злаки эти в данный момент вражеские, и вымахали они до самого верха водительского обзора. Пришлось открыть люк, в триплексы плохо видно.

Ехали колонной, но я всё равно смотрел по сторонам, не надеясь на Пашу. Он у нас малой хоть и бдительный, но не-маг, может на что-то не обратить внимания. И четыре глаза всегда лучше двух, особенно когда ты кадет, маг и параноик.

Впрочем, в поле на что-то обращать внимание не пришлось, одни злаки, и где-то высоко в небе в стороне идёт воздушный бой. Поле через полчаса закончилось. Выехали на грунтовку, и впереди я увидел дома какой-то деревни.

Закрыл люк и добавил в сон Серёги немного тревожности. Тот проснулся и припал к прицелу. Следуя наставлению «Танковый рейд», раздел «Действия танков в сельском населённом пункте», батальон наш разделился: две роты охватывают село с запада, и две с востока. Командир и первый взвод первой роты контролируют южный выезд из деревни.

– Паша, твой верхний пулемёт, – сказал Серёга.

– Есть, – ответил малой.

Курсовой станковый работает только в своём секторе, хоть я и заранее перевёл его в крайне правое положение. Но в этот момент от машин требуется скорость.

Чуть не опоздали, из деревни по ещё не перекрытой дороге впереди пытаются выскочить мотоциклы и бортовой грузовик. Открываю по ним огонь станкового пулемёта. Дырявим машины большими пулями в несколько стволов.

Паша не отвлекается, держит под прицелом верхнего пулемёта правый фланг. Остаётся контролировать выезд отделение командира первой роты, остальные продолжают охват села.

С другой стороны деревни происходит тоже, остаётся командир самого маленького номера, другие едут дальше. В результате с севера въезжаем колонной из трёх рот. Дурость полная, но, раз комбат не выходит в эфир, соблюдаем радиомолчание и действуем по наставлению.

Попаданец во мне морщится, из каждого окна ведь могут ударить противотанковые гранатомёты. Но их пока не придумали. Вот придумают, не будем больше лезть в такие деревни, а пока на каждом перекрёстке улиц оставляем по взводу и едем на поселковую площадь.

Рядом со входом в большое здание, явном управлении сельским предприятием, стояли три тополя, а над дверями висел красный флаг с чёрной свастикой. В конторской комнате на стене портрет канцлера Шульце.

Других следов оккупации не обнаружили, а равно не нашли в доме ни одного человека. Если бы не отзвуки далёкого воздушного боя, решил бы, что тут снимают кино.

Знамя содрали, канцлеру чёрным маркером дорисовали бороду и усы и расположились в пока освобождённой деревне на временный постой. Трупы европейцев и прострелянные машины убрали с дороги, три десятка танков поставили, чтоб в глаза не бросались, и всегда можно было на них удрать. Командиры расставили посты, определились с очередностью и объявили длительный отдых. Три часа, а может даже целых четыре.

Некоторые ждут, что на меня станут нападать злобные полицаи, и я снова всех поубиваю. Совсем не исключаю, что форма полицая и карабин лежат пока в сундуке, и в горнице временно сняли со стены изображение канцлера Шульце. Просто я, маг, не ощущал и малейшей агрессии.

Остановились мы у добродушного мужичка Николы, его жены Гали, обоим за тридцать, и их деток, подростков, старшей сестрицы и младших братцев. Острой радости наше появление не вызвало, хотя селяне и демонстрировали радушие. Мы запросто так разнесли с улицы хороший забор из штакетника и заехали во двор на танке.

За поломанный забор, задавленную танком курицу и другие продукты Паша, как честный человек, сначала предложил европейские картинки, глянецовые журналы и пластинки. Хозяйка отчего-то прикрыла в ужасе ладонью рот, а хозяин стал ещё радужнее – сказал, что ничего ему не надо, все очень рады освобождению, только других продуктов у них нет, аж самим не хватает.

Вообще-то у нас лежат коробки сухпая, но мы ведь в рейде! И в деревне. Паша полез под комбез и вынул марки, проникательно спросив:

– Может, вам денег?

Пехота отдавала трофейные купюры, а запасливый Павлик складывал до поры. Вот пригодились. Забор и курицу оценили в двести марок, другие продукты в триста, а сейчас освободителей приглашают вместе пообедать.

За большим общим столом ели из глубоких мисок наваристый борщ со сметаной, потом гречневую кашу с курятиной и пили квас. Я орудовал ложкой молча и слушал общий разговор.

Люди высказывали реальное неудовольствие войной, что некоторым дома ровно не сидится. В первые дни все молодые парни получили повестки, в поле теперь работать некому. И дети, скорей всего, не пойдут в этом году в школу. А остальное их пока не касается, так они головы себе политикой не забивают.

Увы, это цена демократии – большинству ведь реально всё равно. Люди так и говорят солдатам Гардарики, ибо им ничего за откровенность не будет. Вот если спросят солдаты Красной Армии, европейских ценностей или иного тоталитаризма, те же люди чётко будут знать все «за» и «против». Так что боярин даже рад услышать, что им фиолетово. Это значит, что он реальный боярин.

Галя собрала нам большую корзинку кровяных колбас, сала, масла, домашнего хлеба, пирожков, творога...

Павлик как-то пропихнул её в люк и разместил запасы в танке, а потом присоединился к основному составу. Мы геройским экипажем прямо во дворе возле танка расстелили немецкие комбинезоны и отрубились.

Нам не мешали хозяйственные хлопоты семейства, бляенье и взвизги домашних животных, жужжание самолётов высоко в небе или выстрелы дисковых автоматов, что временами раздавались в отдалении. Если ребята стреляют, значит им надо, а мы хорошие освободители, у нас есть марки, и можем спать спокойно.

Через два с лишним часа сна нас разбудили взводный Вася и два его танкиста. Павлика с автоматом Вася поставил охранять танк, а остальным велел идти за ним. Навестили второй Васин экипаж, он поставил караулить танк малого Антона, а остальные бойцы присоединились к компании.

Девять человек с автоматами пошли к западному въезду в деревню. Путь пролегал через поселковую площадь, и мы увидели, что у здания администрации на ветвях тополей развесили за шеи четверых мужчин среднего возраста, а пятый выглядел на пятьдесят с хвостиком. Все висели в штатском с табличками «предатель».

По пути взводный рассказал, что это не деревня, а какой-то проходной двор, постоянно сюда ездят. Вот при автоматчиках на трёх мотоциклах в легковой машине ехал старший из повешенных, тоже повешенный помоложе и целый немецкий капитан.

Солдат сразу пристрелили, а с офицером и штатскими побеседовали. Мужики сначала упорно молчали, да немец сказал, что они староста деревни с помощником. Тогда те тоже указали своих подручных, все трое прятались, кто в подполе, кто на чердаке, а кто в сено зарылся. Они сразу сознались, просили только домашних пощадить. И причём тут домашние? Мы ж не оккупанты какие-то – немца расстреляли, а этих вздёрнули.

А знает всё это Вася потому, что ему из-за автоматных очередей не спалось, пошёл разузнать, что случилось. Слабенький в Васином экипаже маг, моему сокурснику Витьке только бы самому выспаться. Тоже, кстати, наводчик орудия, хоть стреляет метко.

Сменили мы первый взвод на двадцать минут. Расселись, чтоб с дороги не отсвечивать комбезами. Я поднял взгляд на самолёты высоко в небе, а Вася перешёл на немца. Этот европеец при военной администрации городка ведал поставками продовольствия из пяти деревень. И капитан! Да у нас бы...

По грунтовке к нам пылил крытый грузовик. Вася примолк, я опустил мечтательный взор, и мы позволили машине въехать в село. Без затей врезали из девяти автоматов. Какой-то идиот прострелил слева скаты – и как теперь это толкать?

Пришлось просить ближайший к нам экипаж, чтоб танком оттащили с глаз долой. Пока ребята цепляли тросы, мы отволокли в уже приличную кучку застреленных немцев. Судя по форме, семеро связистов. Что-то забыли в селе, а, может, проездом здесь.

Вот закончили с немцами, расселись, я залюбовался воздушным боем, и Вася продолжил, что у нас на эту должность вряд ли поставят офицера, справится и сержант. А в частях у них в среднем на звание выше. У нас на ротах просто лейтенанты, а у них оберы, правда, и роты у них больше. А если взять дальше, вообще ужас. У нас на полках капитаны, а у них полковники.

– А как по зарплатам? – почтительно спросил Васин водитель Сеня.

– Если смотреть по довоенному курсу, наши за должности платят гораздо лучше, – сказал Вася.

– Это потому, что за нами правда! – веско изрёк Сеня.

Все ему покивали серьёзными лицами.

* * *

Когда нас сменил на посту другой взвод, Вася снова спать не советовал. И вскоре мы простились с радушными хозяевами, расселись в танке по своим основным ролям и поехали далее.

Я смотрел в прицел пушки, размышляя над моральной проблемой. Русские не могут без правды. В СССР такие же Сени думали, что, раз им платят гораздо меньше – это и есть лучшее доказательство, что за ними правда.

Выходит, доказательства правды от размера выплат не зависят? Но в советах сидят такие же бояре, кто задаётся такими же вопросами и никогда не даст и гроша за то, что можно взять даром.

Вывод прост и однозначен – это очень разные правды. Если правду СССР я понимаю почти интуитивно, просто на ней воспитан, то правду и – самое главное – логику Гардарики мне только предстоит постичь. Пока уясним, что за правду Гардарики нужно хорошо платить.

В принципе это даже неплохо, ведь мне, солдату, платит Совет обороны. А как оно вообще, можно обдумать потом. На этой положительной в целом ноте я пока проблему закрыл и далее бездумно смотрел в прицел.

От деревни мы выстроились походной колонной и поехали в поля. Пересекали грунтовые дороги, одни знаки сменялись другими, а я через прицел смотрел в небо. Там шёл воздушный бой.

От удара «Катюш» и нашего беспредела у развилки прошло несколько часов. Наш батальон ищут всё время. Кто-то может идти по следам гусениц, но не торопится, его задерживают две мысли.

Он, во-первых, думает, что же будет делать, когда настигнет русские танки. А, во-вторых, быстрее нас обнаружить с воздуха – столько танков запросто не спрятать. И ищут нас истребители.

Лучше с этим справляются специальные разведывательные самолёты, но их сбивают, господство в небе не завоёвано. У истребителей больше шансов вернуться, однако найти наши танки они могут только случайно.

Нужно ведь снизиться и смотреть на землю, а это не позволяют русские истребители. И с каждой минутой зона поиска увеличивается со скоростью «Рысь-1» на марше. Врагу может помочь только наша предсказуемость, тогда ещё можно устроить засаду возле важных объектов...

Наконец-то, закончились эти поля, едем по грунтовке. Пыль до неба, зато увеличили скорость. Дорога заметно поворачивает влево, идёт вдоль железнодорожной насыпи.

Впереди танк тормозит и останавливается. Стоим и чего-то ждём, на холостых оборотах жжём соляр. Потянулись секунды, я не отрываюсь от прицела, оглядываю окрестности.

В отдалении послышался паровозный гудок, нарастает шум приближающегося состава. Вдруг раздался одинокий выстрел из танковой пушки, тут же меняется тон поезда.

– Паша, броневой, – говорит Серёга. – Тёма, поверни башню и бей танки.

Весь заинтригованный разворачиваюсь. А! Танки ехали на платформах! Командирская машина загнала снаряд по рельсу перед локомотивом, и эшелон полетел под откос.

Насыпь высокая, паровоз заваливается набок, и в него влетают первые снаряды. Один прямо в кабину, вряд ли там кто-то уцелел. Передние платформы тоже встают на борт и под напором задних складываются гармошкой.

Танки закрепили на платформах тросами за гусеницы от сильной тряски, но на такое точно не рассчитывали – машины срывает, они падают. Схватываю картинку и загоняю снаряд врагу в крышу. Павлик подаёт следующий броневой. Пушку чуть в сторону, выстрел. Паша с новым снарядом...

Танки точно ехали с экипажами. Малая часть запускает двигатели, пытается повернуть к нам башни – их пробивает по два-три снаряда. Люди ползут, вскакивают, по ним очередями бьют наши пулемёты.

Ещё подъезжаем. Все враги пробиты, однако некоторые отчего-то ещё не загорелись. Добросовестно добиваем и сдержано улыбаемся. Двадцать четвёртых «панцирей» не доехали до фронта.

Все машины врага горят, тела лежат без движения. Серёга дал отбой стрельбы. Машина впереди разворачивается и едет на грунтовку, продолжаем движение. Лёха сказал:

– Столько танков одним махом! – он деловито уточнил. – Тёма, ты свои запомнил?

– Но они же на платформах, – ответил я в сомнении.

– Запишут на батальон, – проговорил командир.

Грунтовая дорога плавно изгибалась и под прямым углом примыкала к асфальтовой. Она в свою очередь упиралась в регулируемый полевой жандармерией железнодорожный переезд.

Жандарм как раз опустил флажок и упал, сражённый пулемётной очередью. Машины и мотоциклы с обеих сторон от переезда пришли в движение, а их поразили пули крупного калибра.

В этот раз Серёга решил пушку не задействовать. На всём ходу танк стрелял из обоих пулемётов. Я в прицел со скукой наблюдал, как очереди оставляют рваные дыры в кузовах, кромсают убегающих в поле европейцев.

Наш головной танк тем временем свернул к переезду, доехал до путей и пошёл по рельсам. Ну, логично, поезд же только прошёл, четверть часа у нас точно есть. Или из искорёженного состава подали на станции сигнал бедствия, и движение на участке временно остановлено.

Катимся одним траком по шпалам, другим по щебёнке сбоку, а правый рельс под днищем. Я люблюсь в прицел, солнце садится за горизонт. Ужин мы явно пропускаем.

– Серёж, может, на ходу поедим? – спросил я командира.

– Павлик, займись, – распорядился тот.

Паша полез в корзину, передал нам куски хлеба, колбасы, огурцы и помидоры. Потом отважно вылез из своего люка и передал порцию Алёше. Только когда сел на своё место, приступил к трапезе сам.

Пока ели, запивая из фляжек квасом, стемнело. Колонна съехала с насыпи в поле, и мы попросили добавки. Павлик засветил фонарик и снова полез в корзину. Свежие продукты нужно до завтра употребить, и молодые же ещё организмы.

* * *

Лёша включил фары, но в их свете вижу только корму впередиидущего танка и злаки. Серёга открыл командирский люк и смотрит наружу. Вокруг рокот двигателя и летняя ночь.

Уже утром батальону нужно прорываться на свою сторону. За первые сутки враг преодолеет оторопь, соберётся, предупредит о нас охрану объектов, начнёт стягивать резервы. На второй день наши шансы устремятся к нулю, и на третий выбраться станет нереально. Нас уничтожат.

Хотя уже сейчас наши танки полностью окупались, а мы... солдаты всегда погибают. Но плох тот солдат, кто не мечтает дожить до старости. У нас хорошие танки и хороший комбат – мы выберемся к своим.

Я наполнился ночным благодушием и смотрел в прицел добрыми глазами. Часа два давили злаки, и колонна вдруг плавно остановилась. К нашему танку подошли взводный Вася и командир другого танка Саня.

– Серёга, идём к комбату, – сказал Вася.

– Пока старший Тёма, – проговорил командир и вылез из танка.

Я раздражённо подумал, что он мог ничего не говорить, у меня такое же звание. И вообще ни к чему хорошему ночные вызовы к начальству не приводят. Я пересел на командирское место и выглянул в люк. Мимо нашего танка от хвоста колонны шли группы танкистов. Комбат собирает командиров – совсем плохой знак.

Двадцать минут стояли на холостых оборотах, и я дождался. Командиры возвращались бегом. Я поспешно пересел на своё место. Раздался топот по броне, и в командирское кресло упал суровый Серёжа. Он деловито поведал:

– Лёха, сейчас разбираемся в шеренгу. По сигналу гасим фары и едем вперёд минут пять. Когда закончится поле, ориентируемся по прожекторам аэродрома. В охране пулемётные доты и точки с 85-мм орудиями. Тёма, пушки первая цель, доты игнорируй. После первого выстрела разрешена радиосвязь, остальные приказы по ходу дела. Поехали, Лёш.

Поехали вперёд. В шеренгу из колонны встать просто – если передний танк твоего взвода поехал налево, нужно остановиться слева от него в пяти метрах. А если впереди танк уже другого взвода, то надо ехать направо, для своих передний ты, и они становятся правее.

Серёга по пояс выглядывает из люка. Разобрались в цепь и по его команде двинулись. Быстро разгоняемся, идём по полю во всю мощь. Он падает в кресло, прикрыв люк, и командует:

– Лёха, фары.

В прицеле плавно погасла картинка, ещё нет ночного видения. В темноте ползут секунды. Я себе не вру, прямо сейчас враг услышал рёв моторов, напряжённо вглядывается в темноту...

Прожекторы появились внезапно, сначала их свет заливает обзор. Давлю желание их расстрелять и стараюсь разобраться спокойно. В пятнах света и силуэтах что-то угадывается.

Лучи нашаривают машины. Стреляют в того, кого видят, а 85 миллиметров у немца – это конец танку и с двух километров.

– Паша, фугасные, – говорит Серёжа.

Слишком много здесь прожекторов... выстрел.

– Тёма! Отставить прожекторы! – кричит командир.

– Иди в жопу! – рычу в ответ. – Паша, быстрее!

Выстрел, минус ещё один фонарь. Впереди и справа танк в луче. В следующую секунду его пробивает орудие. Я вижу нечто похожее на вспышку и чувствую чьё-то торжество.

Луч уходит от подбитого танка. Умник Лёха впритирку с его кормой сделал дорожку, и я по памяти стреляю.

– Лёша, так пока стой, – сказал Сергей.

Луч останавливается, кого-то поймал. Бью в прожектор, а то достал слепить. В подбитый танк, за которым мы прячемся прилетает два снаряда один за другим. Замечаю две вспышки. Снаряд в левую...

– Лёха, вперёд и дорожка! – сказал Сергей.

Паша дослал снаряд. Теперь только одна вспышка справа, и она уже на прицеле. Всё равно хорошо убедится, что с ориентированием у меня порядок. Выстрел.

Павлик с новым снарядом. А что-то много у противника прожекторов... выстрел.

– Тёма, один-то оставь! – ворчит командир.

В шлемофоне раздался голос комбата:

– Врубаем фары. Первая рота штаб, остальные к самолётам!

Блин, а доты? И пехота ещё в окопах рядом. Но с комбатом не спорят, тем более уже проехали. Лёша догоняет остальных, пересекает линию охраны.

– Паша, пока отбой, дальше мы сами, – сказал Серёжа.

Вообще-то, ещё остались у врага пушки, но это же европейцы – расставили их по периметру площадки. Чтобы выстрелить в тыл, нужно орудия разворачивать, и они тут в основном стоят как зенитки.

А мы поймали фарами «мессер» и жажнули из пулемётов зажигательными. Самолётик взорвался, так в его свете остальные хорошо видно. И близко к ним подъезжать не нужно.

Другое дело штаб и склады, первой роте пришлось отработать фугасными снарядами. И то им повезло с немцами, что расположились в добротном доме. Наши бы под землю закопались со своими картами, что и свои не сразу найдут.

– Уходим, – скомандовал комбат. – Радио запрещаю.

А вот и конец нападения, можно порадоваться. Уничтожили мы авиа часть противника, полсотни самолётов со всем хозяйством. Ушли так же, как и пришли, через те же позиции. Даже охранников убили по минимуму, лишь чтоб не мешали сделать работу. Остальные пусть пока живут, нам сейчас некогда.

Потеряли четыре танка, кого-то из экипажей даже подобрали живьём. То есть я про всех сразу не знал, а водитель танка, за которым мы прятались, обнаружился у нас на броне.

Серёга выглянул в люк, когда уже полем шли, и обнаружил парня. Вот натерпелся бедняга! Покормили его от нервов и с ним за компанию, да после боя, добились корзинку.

А когда кончилось поле, нас ждало новое испытание. Стало известно командованию, что из-за жары обмелели речки. А что в танках щели, командованию не докладывали. Брод преодолели успешно, только пришлось выбросить немецкий патефон, европейскую полиграфию и пластинки, а то нафиг они нужны без патефона.

На берегу речки образовалась приличная куча подмокшего европейского добра. Что характерно, в ней не было коробок сухая. Они тоже намочили, но их придержали в надежде потом сменять пехоте или ещё как-то использовать.

Единственным сухим из брода вышел водитель подбитой машины, в танке для него просто нет места. Рано утром мы сначала заметили в небе силуэты «кукурузников», наших работяг войны, и обрадовались, как родным – фронт близко. И вскоре мокрые и злые мы всем батальоном пошли в атаку.

С той стороны нам навстречу должна была атаковать вторая половина полка, только этого мы тогда наверняка знать не могли. Радиомолчание же никто не отменял.

Ну, там трах-бабах и ура – в нас стреляют, мы стреляем. С тылу и неожиданно хорошо нападать, можно заодно раздавить пару батарей полевых пушек, и вообще нас не ждали.

Вот внезапно, умело, организованно и немного с перепугу мы доехали до первых траншей противника одновременно со своими, что шли с другой стороны. Чуть друг дружку на радостях не перестреляли, да быстро разобрались.

Вышли мы из рейда. Но того парня на броне уже не было, и нигде больше он не нашёлся. Потерялся где-то, никто и не заметил. Его Севой звали, кадет, перешёл на третий курс...

Глава 5

– Автор явный ура-патриот! – воскликнет пытливый читатель. – У него все в Европе придурки!

Что ж, давайте разбираться без эмоций. Начнём с самого низу, с самых масс. Сейчас каждый пытливый читатель понимает в истории, политике, военной технике, медицине, футболе и в колбасных обрезках. В эпоху интернета мы мгновенно получаем ответы на все вопросы. В описываемый же период доступ человека к информации сильно зависел от его положения.

Массам легко скармливали любую пропаганду, люди просто жили в идеологии с младенчества. Даже сейчас есть на нашей планете страны, откуда нельзя просто выдернуть человека. Хлебнув достоверной информации, человек повесится.

В моём романе нет интернета, и целым поколениям европейцев говорят на каждом углу, что русские тупые, злобные, жадные животные...

Откуда автор это взял? А реальная Россия только заикнулась о своих интересах, и коллективный запад моментально озверел. Совпадение? Возможно. Просто признаем факт того, что Европа может звереть, а Россия следовать национальным интересам.

А эта книжка о Гардарике, которая действовала из своих интересов всегда, веками. Как на это будет реагировать Европа? У меня в романе европейцы озверели, что и стало для них основой идеологии.

Итак, какие лидеры будут у европейцев, для которых просто факт, что русские тупые, злобные, жадные животные? Я почему-то уверен, что проголосуют они только за европейцев, которые думают так же.

Пытливый читатель возразит, что решают не выборные лица, но давайте же послушаем самих европейцев. Немцы же европейцы? И они все голосовали за Гитлера. По их словам, во всём виноват Гитлер, под всеми документами его подпись – это он лично понастроил уйму концлагерей, он лично убил там миллионы. А если кто из европейцев ему помогал, так их запугали, и запугивал лично Гитлер.

Пытливый читатель скажет посмотреть на диктатора Сталина? А как он пришёл к власти? Захватила в России власть партия Большевиков, в которой Сталин тогда даже не был первым номером. Может, Большевики не работали с массами? Или политика Сталина не отражала идеологию коммунизма?

Простите, в чём интерес русских, когда свои же власти у них, победителей, отбирают хлеб и отдают побеждённым чехам с поляками? Лично автор видит тут чистый коммунизм.

Итого, все диктаторы приходили к власти на идеологии, и их политика оную идеологию в себе несла и отражала. Но что означает, проводить политику? Конкретные люди в конкретных обстоятельствах могут думать себе что угодно, они просто обязаны принимать конкретные решения. И умные люди иногда принимают глупые решения.

Тут автор, отодвигая свой ура-патриотизм в сторону, обратится к главному, к статистике. Скольким абонентам прямо сейчас звонят представители «органов» и разных «служб»? И сколько людей переводят свои деньги на номерные счета? А это происходит в эпоху интернета, когда всё всем должно быть известно.

Все они придурки для пытливого читателя? Прямо у каждого пытливый читатель выиграет в шахматы? Эти придурки не могут чего-то знать, о чём пытливый читатель понятия не имеет?

Напомню классику жанра. Мюллер в известном кинофильме про русского шпиона Штирлица говорит:

– Верить в наше время нельзя никому.

Повторяю для пытливого читателя – фильм про русского шпиона. Выходит, Мюллер тоже придурок? Ну, конечно же, нет! Просто даже умным людям свойственно ошибаться. На этом держатся все мошенники и разведки могущественных стран.

В книжке моей есть художественное допущение, там всё происходит без дураков, которым тупо везёт. Потому и нет в магической Европе Гитлера – этого бесталанного художника просто зарезали по пьянке в Австрии.

В Германии фюрером стал умный херр Шульце, но его пока в бок, ради справедливости первым станет русский.

* * *

Как у меня получился Князь Москвы? Сильно глупый? Артём считает его тормозом, и в то же время даже он не назовёт князя дураком.

Всеволод обладал всей доступной князю информацией. Князь даже не являлся диктатором, его могли снять бояре в думе двумя третями только своих боярских голосов. Однако и без абсолютной власти он мог не быть патриотом Гардарики и этого не скрывать.

Просто при нём Московское княжество выигрывало конкуренцию у серьёзных противников, и того боярам хватало. По их разумению, князь имеет право ко всему относиться, как ему нравится.

Но вот Европа напала на Гардарику. Изменил Всеволод отношение? Совсем нет! Он рассуждал о страшной ошибке, о недопонимании. Гардарика не нападала, но точно что-то не дослушала, не поняла. С Европой ещё можно договориться! С ней всегда можно договориться! Иначе, это просто не Европа!

Не зря Тёма считал его тормозом. Сева придумал себе свою Европу и как всякий русский интеллигент с ней носился. Однако просто так бегать он не мог, получил в зубы приказ Совета обороны и отбыл с дружиной в Крым.

А куда б он делся, когда дума его княжества простым большинством голосов признала войну всеобщей? Теперь всё, следующим её решением станет ратификация условий мира, а до того момента вся власть у советов.

Впрочем, в советах сидели те же бояре, так что вся власть у бояр, простые маги со своим мнением получают повестки и едут на фронт. А Всеволод по именному приказу улетел на своих бомбовозах, даже сыновей с собой взял. Младшему Игорю как раз перед войной исполнилось шестнадцать.

Заправили самолёты дружины топливом, загрузили бомбами, и повёл Сева бомбовоз в составе дружины на Румынию. В одной из машин летел Ваня вторым пилотом, и отдельно Игорёк борт-стрелком.

Летал князь бомбить нефтяные прииски и средства доставки нефти. Сбрасывал бомбы и думал, что недоразумение затягивается, давно должны поступить из Европы предложения.

Могли ему что-то не докладывать? Сева лично обладал боярской властью и числился в советах, ему сообщали всё. Только это всё было из совсем другой оперы. Доносили о зверствах европейцев над пленными и над мирным населением.

Дружина бомбила Румынию и теряла над ней машины. Присылали новые, дружина росла, но не в том суть. Парни выпрыгивали с парашютами. Спустя какое-то время добрые румыны передали через Бизантию фотографии ужасных истязаний.

Европа продвинулась на восток, захватила Молдавию, и добрые румыны устроили опрос населения с расстрелами. Потом Европа блокировала Одессу. Держать в осаде порт при господстве на море флота противника – удовольствие очень средненькое. И добрые румыны для мирного населения перекрыли воду.

Ждал ли после этого Всеволод сигналов от Европы? Сел бы с ними за один стол? Никто не знает, князь всё больше замыкался в себе. А потом над Румынией сбили самолёт младшего сына, и добрые румыны очень постарались, чтобы фотографии с пытками Игоря получил папа.

Над Румынией однажды сбили самолёт князя. Он был опытным пилотом, обрушил машину в пике и врезался в какой-то завод. Вряд ли в последние секунды он думал о переговорах с Европой.

Князем Москвы стал Иван. Первым своим решением он призвал московские дружины и просто москвичей в плен добрых румын не брать. Откликнулись все, и Князя Москвы в этом вопросе поддержали другие княжества, королевства и Царство. Дальневосточники к тому моменту уже приехали на фронт и всюю воевали.

Румыния заверещала на весь свет «убивают», но не было ООН, некуда жаловаться. Другие же союзники Германии хорошо понимали, что они легко могут стать следующими, и их солдаты из всех сил дистанцировались от издевательств.

* * *

То есть добрая Европа сама перевоспитывала или убивала своих наиважнейших союзников в Гардарике и получала взамен лютых врагов. Как к этому относился умный канцлер Шульце?

Он, конечно же, от всего этого печалился и лишь разводил руками. В его понимании Европа никогда не была доброй, и он не отвечает за фантазии русских, этих тупых, злобных и жадных животных.

А кем бы он ещё считал русских, поднявшись на харизме от низовой ячейки, пройдя через сотни партийных встреч и тысячи митингов? Идеология с повесточкой меняют мозги даже тем, кто их придумывает, ни у кого нет защиты.

Мог херр Шульце отказаться от идеологии? Да его бы с любого поста убрали, компактно разместили и ускоренно перевоспитывали, заикнись он только, что русские тоже люди.

Следуя этой идеологии, Европа могла не нападать на Гардарiku? Нет, нападение и война с русскими животными неотъемлемая её часть. Даже не нападать на Гардарiku в 1942-м году Европа уже не могла. Она просто должна кинуться при первой возможности.

Могли в Гардарике этого не понимать? Херр Шульце на своём посту всё сделал, чтобы там не поняли. Он о Гардарике не говорил ни одного кривого слова, был сама вежливость с её представителями и обсуждал с ними перспективы сотрудничества.

Стоит ли большего требовать от политика? Да, он подписывал карты военных, но стоял над ними с умным видом только для фотографов. Ну, не служил херр Шульце в армии и ничего там не понимает. Он просто политик, даже не маг.

Да магу никогда не получить власть в демократическом обществе. Херр Шульце вышел из народа, вся его партия народная. Правда, рядом всегда достаточно магов-секретарей, но это только чтобы канцлеру не ввали!

И зачем, вроде бы, военным ему врать? Внезапный удар по Гардарике вполне укладывался в идеологию, а что всё пошло не по плану... так не было внезапного удара!

Однако фюрер Шульце действительно являлся умным человеком и быстро понял разницу между мирным временем и войной. Правда, Евросоюз сначала влез в войну с Британией, но тот конфликт казался игрушечным. Потом так же запросто напали на Гардарiku, и канцлер через месяц начал понимать, что игрушки навсегда остались в прошлом...

После утопления практически всех кораблей целую неделю в Европейском Союзе длился траур, и почти месяц херр Шульце ходил, как в тумане. Германия так гордилась своим флотом! Столько возлагала надежд! Дядя канцлера служил на «Лютцове» финансистом!

Через месяц туман рассеялся, и начал херр Шульце понимать практически, насколько ситуация сложилась для фюрера скверная. Считалось, что после успехов Евросоюза на востоке, Британия пойдёт на мирные переговоры. Однако англичане не делают даже намёков, по ним у Европы на востоке успехи не просматриваются.

Военные не вняли фюреру, что вы! Только сообщения ведь можно подавать по-разному. Потюше о потерях – на то и война, погромче о продвижении – наша всё-таки берёт!

Херра Шульце стали интересоваться военные вопросы, а то ж в случае неудачи простой отставкой можно и не отделаться. Если не оправдать идеологию о превосходстве европейцев над русскими, добрые европейцы вполне способны вздрнуть бывшего своего народного представителя.

Он велел секретарям составить компиляцию о делах на фронте в целом. На другой же день ему принесли папку бумаг. Фюрер, усевшись в своём кабинете за столом в удобное кресло, водрузил на нос очки и взялся за изучение.

Неприятности начались с неудачного воздушного удара. Нет бы этим русским животным позволить авиации просвещённой Европы уничтожить свои дрянные самолётики! Соотношение потерь в первые дни ужасают.

Позже соотношение потерь выровнялось. Европейцы в среднем теряют всего на пятую часть самолётов больше, но это только для поддержания своего превосходства! Бои ведь ведутся над русской территорией, им от аэродромов лететь меньше.

Но нет господства в воздухе, нет и поддержки танков бомбардировщиками. Устаревшие самолёты противник уничтожил, а новые только начали разрабатывать. При попытках использовать в налётах истребители, потери резко возрастают.

Без господства в воздухе неприятель хорошо видит все изменения на фронте и быстро реагирует, а бить по его коммуникациям пока нечем. На своих же путях снабжения действуют диверсанты из местных, войска хронически испытывают нужду.

Европейцы успешно продвигаются на восток, но постоянно влезает в засады, наталкиваются на жёсткое сопротивление, и группы вражеских танков наносят болезненные контрудары. Кстати, средние танки противника в лобовой проекции нечем уничтожать. В результате соотношение потерь возрастает до трёх европейцев к одному русскому...

Замечание секретариата: данные войск о потерях противника сильно разнятся с данными из русского тыла. Соотношение потерь за первый месяц шесть европейцев за русского.

Шульце почесал лысинку на затылке – такое действительно не надо всем узнавать. По-хорошему он сам не хотел всего этого знать, но он же канцлер. И фюрер. С грустным вздохом Шульце перевернул страницу.

Ага, началось наступление Роммеля в Северной Африке и развивается оно успешно. Англичане не могут блокировать судоходство в Средиземном море, там как раз бомбардировщики европейцев действуют, как следует.

А вот на других морских театрах сплошная грусть. Европа прошла Молдавию, осадила Одессу и даже прошла дальше на восток, однако продвижение на этом, похоже, закончилось.

Если войска европейцев не возьмут Одессу, дальше двигаться нет сил и просто опасно. А как её брать, никто не знает. Румыны ей даже водоснабжение отключили, но воду привозят русские танкеры.

Вообще флот Гардарики в Понте недооценили сильнее всех. Он хуже всех финансировался, поскольку Византию сильным противником не считали. Потому советы, что им ведают, везде скупали старые корабли. И тщательно их модернизировали.

Новый двигатель в старое судно воткнуть трудно, и брони много не навесить, так власти все корабли оснастили радаром, меняли артиллерию и везде, где хватало фантазии, ставили зенитки.

Флот в Понте плохо финансировали по меркам Гардарики. Каковы эти мерки лучше всех знают пилоты самолётов, что послали его топить, но их уже не спросишь.

Сейчас корабли атакуют самолётами, только когда те начинают стрелять по суше, чтоб сбить с наводки. Но им очень много времени и не нужно, два-три залпа, и они уходят, оставив за собой море огня.

Об этом могут рассказать выжившие артиллеристы, когда их за тридцать морских миль по радарной наводке кроют орудия морских калибров. Или корабли так стреляют по наступающим частям, что больше наступать на Одессу мало желающих.

И самое неприятное, что Одесса порт, то есть всё необходимое получает с судов. У Румынии и Болгарии тоже есть порты, но на море господствуют русские. Румынские и болгарские порты превращены в пылающие развалины, и систематические обстрелы с моря не позволяют им потухнуть.

Все малые суда и баржи, что спустили по Дунаю для десантов в Крым, частью потоплены, частью успели по тому же Дунаю удрать обратно.

Херр Шульце снова вздохнул, перевернул лист и перешёл к самому грустному. Фюрер знал, что речь пойдёт о Дании. Преодолела Европа перешеек и вырвалась на просторы. Войска даже ценой больших жертв форсировали узкий пролив и осадили Копенгаген.

В результате с Копенгагеном вместе получили в Дании пять Одесс. Все порты укреплены и снабжаются морем, на котором господствуют русские. Свои же порты блокированы и под постоянными обстрелами с моря.

Русские корабли обстреливают узкий Датский перешеек. На нём уже не пытаются восстанавливать железную дорогу, всё снабжение на автотранспорте. Свои войска испытывают крайнюю нужду во всём.

Им бы помог захват портов Дании на западном побережье, но э... две Одессы из пяти у датчан именно там. Их поддерживают авиация Британии и корабли Северного флота Гардарики.

Её Северный флот самый новый и самый оснащённый, изначально готовился к борьбе с флотом Англии. Теперь же базируется в её портах, помогает портам Дании и поджидает «Тирпиц» с «Бисмарком». Вместе с англичанами русские гигантов Германии точно утопят. Надежда только на то, что русские не верят британцам ни на копейку – британцы ведь тоже европейцы.

При таких делах уже должны кончиться воинственные датчане, но вот справка. Скандинавы всегда держались за туризм из Европы и теперь, когда за каждого туриста русские платят минимум по десять рублей, просто все решили, что это только их деньги. Шведы и норвежцы плавают на защиту датских портов как на работу, вахтовым методом – неделя через неделю.

И бросить ведь Данию никак нельзя! Не, решение ситуации лежит точно не в грустной Дании. Херр Шульце закрыл папку и воззрился на потолок. Так. Войска Европейского Союза ещё наступают в самой Гардарике. Несут потери, но идут вперёд, к Москве...

А может, к чёрту Москву? Един пень ведь уже не дойдём. Нужно незаметно для врага собрать силы и провести мощную операцию на окружение. Чтоб были сотни тысяч пленных и сразу много территории. Тогда акции Гардарики упадут, и Британия должна пойти на переговоры.

Фюрер Шульце потянулся к селектору, чтобы вызвать секретаря...

* * *

Ушёл батальон за линию фронта как-то буднично, а вернулся ещё печальнее. Серёга пошёл к взводному с рапортом о переводе в другой экипаж и, что это очень неправильно, когда подчинённые в бою шлют командира в жопу.

Вася всё изложил ротному, тот комбату, и Серёжа возглавил машину и экипаж из пополнения. А с меня взяли обещание не слать в бою взводного и назначили командиром своего танка.

Наводчиком дали не-мага Саню, он спасся на вражеском аэродроме из подбитой машины и пережил на броне прорыв к своим. Поседел только в неполные двадцать лет, а в остальном остался адекватным, даже не заикается.

Мой одноклассник, тоже выбрал технику и стрелял ещё в Корпусе вполне на уровне. Танк, по сути, ничего не потерял в моём лице, но я ведь сам надеялся стрелять до нашей победы! Понимал, что маг, что на такой войне не получится, и всё равно надеялся.

А нефиг было посылать командира в бою, это и впрямь недопустимо. Я бы на месте Серёжи меня бы пристрелил, но я ведь боярин. Пусть неохотно, но решительно занял место командира и полностью посвятил себя работе мага в танке.

Сколько на меня свалилось одной писанины! Расписываюсь в получении боеприпасов, топлива, масло пришлось доливать. Поставили новые гусеницы, но это больше по традиции. Как вернулись из рейда, старые траки нужно сдать обеспечению.

Веду счета, отдаю изменения взводному Васе Денисову. Меня как наводчика из списков вычеркнули, мне за врагов уже деньги перевели, теперь я молодой командир в самом низу рейтинга. Саня стрелок ещё держится на вершине, но чего нам оно стоит! Вражеских танков реально вдруг стало маловато.

Нельзя говорить и о затишье на фронте, противник атакует. Но если он отводил танкам главную роль, теперь они больше поддерживают пехоту. Вперёд не лезут, и, учуяв только наш запах, сразу сваливают на защищённые позиции.

Лезть за ними чревато большими потерями. В окопах очень много пехоты с гранатами и засад противотанковых пушек. И свои солдаты не побегут нам помогать под обстрелом вражеских пехотинцев, через заградительный огонь полевой артиллерии противника.

Кроме увеличения числа вражеской пехоты, бросается в глаза изменение его отношения к артиллерии. Раньше немец полагался на свою хваленую оптику и ограничивался стрельбой по засечённым гнёздам пулемётчиков и противотанковых пушек. Главную работу оставлял танкам.

Оптика у нас не хуже, но пока не в том соль – мы ведь атакуем редко. Больше учились прятать позиции, обманывать вражеских наблюдателей. Пушки наши стреляли только по позициям вражеских пушек, занимались контрбатареинной борьбой.

Противник совсем не дурак и артиллерию оставлял на пределе дальности, за 10–15 километров от наших позиций. Наши выручала механизация. На тягачах приближались к фронту, давали по батареям врага несколько залпов и удирали.

Иногда их засекали, и пушкари несли потери, чаще давили артиллерию противника, однако для работы по пехоте неприятеля времени тупо не оставалось.

Но вот враг перешёл к другой тактике, стал к атакам подходить серьёзнее. На участке фронта принялся собирать много стволов и перед атакой устраивал на наши окопы налёт. А дальше вперёд шла масса пехоты.

Хорошо, когда на этот случай у командования есть десяток «Катюш», они могут врезать по наступающим солдатам. Но оружие это ещё не стало массовым, есть оно далеко не у всех.

А инициатива всё-таки у европейцев, они тоже всё с неба хорошо видят и не атакуют там, где можно нарваться на залпы реактивных миномётов. Наши учились прятать «Катюши» и танки, и враг иногда нарывался, однако в большинстве случаев заградительный огонь перед пехотой врага пришлось ставить пушкарям.

Враг же с повышением роли своей артиллерии сам плотно занялся контрбатареинной борьбой и проявил в этом деле себя умелым воякой. Пускай наши и наработали за первый

месяц немалый опыт, противостояние всё обострялось – в этой области тоже никого не избивали толпой.

Из тыла прибывают всё новые пушки и солдаты, фронт медленнее, но всё-таки сдвигается на восток. Полк снова объединили, отдельным батальонам уже непросто стало проникнуть за линию фронта, а вернуться вообще нереально.

Скрытно кочуем уже всем полком, помогаем счастливым отражать атаки врага. В принципе европейцам хватает одного нашего появления, после отражения первого натиска повторных попыток нет. Но не можем же мы приехать и никого не убить, мы всё-таки военные.

А в перерывах я с удовольствием читаю письма из дома. Катя от всех передаёт приветы, все за меня волнуются, не сомневаются в моих ратных подвигах и ждут обратно с победой или хотя бы в отпуск. Обязательно прикладывают Светкин пальчик в чернилах, а потом Миланья от себя пишет о разных важных деталях быта.

* * *

В прошлой жизни после просмотра военных фильмов думалось мне, что командир танку нужен, чтобы его в бою посылать, а после боя всё на него сваливать. Кадетский корпус изменил моё отношение, и я понял, что командир должен ставить экипажу задачи и нести всю ответственность...

Ну, то же самое, только посылать Серёгу вслух всё-таки не следовало. Он такой же солдат, как все, заведует пулемётом на крыше и рацией. У нас работают только два тумблера – общий, для связи с пехотой, и машина взводного. У взводного первый общая волна, второй для связи с его машинами, а третий для ротного. У ротного работают аж четыре рычажка...

Дальше не заглядываю, и так ясно, что рация это серьёзно. У других членов экипажа тоже очень непростая работа, даже у заряжающего – он вообще ничего не видит, кроме снарядов. Как маг я всех поддерживал, но только чтобы лучше выполнялась моя часть – я должен вовремя давить на спуск.

Но вот сам стал командиром и осознал, как ошибался. Почувствуй себя танком, грозным железом с человечками внутри. У нас задача...

Я ведь знаю все танковые роли и очень хорошо себе представляю, что должен делать каждый в данную секунду. Но, даже будучи магом, просто не могу влезть в чужую шкуру.

В принципе это и не требуется, пацанов отлично обучили, у них уже есть опыт. Просто кто-то не выспался, второй из дома не получил письма, на третьего напала хандра. Всё это для меня стало важным.

Не, при необходимости я запросто сломаю об колено всех скопом, все будут делать свою работу. Но долго ли проживёт такой экипаж? Это очень неприятно, когда тебя об колено, и от любого фанатизма люди устают.

Вне боя я обязан быть с ними, со всеми вместе и с каждым отдельно. Я обязан их слушать, рядом сидеть или лежать с умным лицом, даже если сплю. Пусть парни знают, что их ценят, ими дорожат, от них многое зависит. Пусть они чувствуют себя немножко обязанными командиру. Совсем чуточку – я не злоупотребляю магией.

Зато в бою все работают с полной отдачей, даже Павлик уверен, что от него прямо сейчас всё зависит. Каждый на своём месте старается меня понять, предугадать решения. Мне потребовались всего три боя, чтобы экипаж понимал меня с полуслова, а порой хватает междометий.

А потом полк объединили, и в первом же бою я почувствовал присутствие двух рысей, мне показалось даже их приветственное ворчание. После боя специально нашёл Петю и Стёпу и выяснил, что ничего мне не казалось.

И не сказать, что я рыжим близнецам не очень обрадовался, хотя и почти не скучал. Фиг с ними, полк от их присутствия больше выигрывает. Кто ещё согласится командовать экипажами из пополнения? Кадеты при первой возможности от них удрали, а этим деваться некуда.

Интерес мой вызвало то, что рыси ощутили своего в тотемном трансе. То есть я себе всё время воевал и не понимал, что воюю не совсем я. Или не только. И не отмечал, сколько я уже рысь! А если более двух часов в сутки? Вдруг это вредно!

Петя грустно сказал, что это весьма скверно. По его сведениям, только лешаки, ставшие зверями в человеческом обличье, не отдают себе отчёта, что находятся в трансе.

Стёпа ему радостно возразил, что я прямо сейчас с ними мирно говорю и не кусаюсь, значит, это что-то другое, о чём у них сведений нет. Нужно спрашивать старших, лучше сразу Терентия.

Петя брата неожиданно поддержал. Ведь им сейчас ясно, что я в обычном состоянии, а лешаки становятся зверями навсегда. В любом случае, даже лешак кидается только на того, кого считает врагом, так что на фронте мои странности в глаза бросаться не должны.

Я послал близнецов в э... в сердцах и удалился к своему танку. Чему быть, того не миновать, хотя у старших при случае обязательно спрошу. Отныне частенько по урчанию рыжих определяю, что немножечко выпал в тотемный транс. Полезны всё-таки свои рыси неподалёку, хотя я и не стремлюсь с ними к человеческому общению.

Полк собрали не из одних стратегических соображений, жизнь заставила. Противник стал уделять больше внимания защите, то есть рыл окопы, соединял с соседями, и фронт за месяц более-менее оформился в нечто связное.

Теперь уже не получается поймать отдельные части в ловушки. Европейец более не действует отдельными частями и наступает большими силами на довольно протяжённых участках.

Ну, просто из-за применяемого оружия враг вынужден использовать цепи, и большие силы занимают много места. Батальон могут обойти, и он везде не успеет. Поэтому ездим всем полком.

Перемещаемся ночами, скрытно, ещё до рассвета прибываем на заданный участок и тщательно маскируемся с воздуха и вообще от всех подряд. Сидим в засаде, вперёд не лезем.

Нет же никаких гарантий, что наши маневры не стали известны агентуре врага, что нас не засекли с воздуха. А противник после огневой подготовки атакует одной пехотой или использует малые силы танков для поддержки.

Весь расчёт на то, что, если есть тут у русских танки, пойдут они спасать своих. Наши сражаются, погибают, а мы сидим в машинах и ждём команды. Штабным как-то стало известно, что враг скрытно собрал здесь танки, иначе нас бы тут не было. Но танки врага останутся за линией фронта, если мы позволим себя обнаружить.

Сидим себе, грызём сухпай, запивая из фляжек. Спим по очереди, вполголоса болтаем о жизни на гражданке, а из машин ни ногой. Иной раз ждём команды целыми днями, и вечером всегда уходим. За сутки враг ещё может нас не увидеть, однако на второй день точно найдёт.

И ближе к обеду взлетают долгожданные ракеты! Танки врага прут на позиции! Полк осторожно выдвигается, боясь спугнуть противника. Европейские танки врезаются в оборону, и мы прыгаем...

Мне кажется довольное ворчание рысей, но это лирика. Экипаж чётко делает свою работу, а я вижу картину боя, танк всегда в нужном месте и с правильной скоростью двигается в правильную сторону.

– Дорожка!

– Выстрел!

Вперёд и вправо, другим тоже нужно пострелять.

– Дорожка!

– Выстрел!

Теперь вперёд и влево.

– Дорожка...

Вражеских машин всегда больше наших, но они не ждали прыжка. У них очень мало магов в войсках и танкисты обычные европейцы. А у нас большинство кадеты, одни близнецы чего стоят. Пусть все их не любят, танки рыжих стабильно входят в десятку полка по результативности.

Хотя потери тоже случаются, куда ж без них. Немец мужчина серьёзный и бесплатно не подыхает. Печально, но факт – полк по десятку машин теряет в каждом замесе.

Мы на своих позициях, и кадеты всех научили покидать горящие танки. Европейцы тоже спасаются и сразу падают, расстрелянные пехотой. «Панцири» горят, можно послушать, что обо всём думают наши солдаты. Переключаю рацию:

«Да где были эти... танки... когда нас... тут»...

Как всегда, мы виноваты, что на войне убивают. А нам с этими людьми ещё делить трофеи. Командир полка выходит в эфир:

– Все молодцы. Отбой атаки, уходим в тыл. Радио разрешаю.

А в тылу нас ждёт горячая каша из полевых кухонь и всякий отдых. Неприятель уже знает, что мы пришли, и больше не дёргается. Переходит к методичному обстрелу засечённых целей и к любимой контрбатареиной борьбе.

Однако такие праздники выпадают в лучшие дни. В основном сидим по танкам, грызём сухпай, запивая из фляжек, ждём «два зелёных свистка», сигнал к атаке из ракетниц. Для отвлечения пехотинцы часто пускают ракеты...

И я не сразу вспомнил, что две красные ракеты – это приказ всем командирам бежать к машине комполка.

– Старший Саня, а я скоро, – говорю по внутренней связи, выпрыгнув из люка.

Где командирский танк стоял, да как его замаскировали, не очень важно. Кряжистый, усатый мужик в танкистском комбинезоне сказал пацанам в таких же комбезах:

– Получено срочное сообщение. На севере прорван фронт, враг идёт танковой лавиной. Мы единственные, кто может остановить их хотя бы на сутки. Сейчас аккуратно снимаемся и едем навстречу. Наша авиация над нами захватила временное господство, нас не увидят. Но это очень много танков, – он угрюмо повторил. – Очень много, ребята. Впереди тяжёлый бой, и нам нужна только победа. Уяснили?

Мы серьёзно покивали.

– Тогда по машинам, – сухо приказал капитан.

Глава 6

«И бесстрашно отряд поскакал на врага»...

Хорошая песня, но несвоевременная, нет здесь комсомольцев. Хотя в других обстоятельствах все парни записались бы в Комсомол. Я, боярин, первый бы и записался. Потому петь песню можно, но только про себя.

Всё равно ведь радио запрещено, а экипаж спит. Отправил я Лёху в своё командирское кресло, и рулю лично сам. Коротко сказал пацанам, что им очень нужно выспаться, и помог уснуть.

До дела решил в подробности не вдаваться. Я вот суть хорошо понимаю, так спать совершенно не хочется. И думать, что будет потом, нет желания. Идём на максимуме, пылим по грунтовым дорогам. В небе только редкие белые облачка...

А где-то идут яростные воздушные бои. Чтобы над нами убыло нужно, чтобы в другом месте прибыло – простая логика. И, коли врага ведут наши самолёты, командир выберет время и место нападения. Перед столкновением капитан сделает остановку, введёт в курс.

Снова соберёт командиров и поставит задачи лично, успею разбудить парней. Они нормально отдохнут, отчего-то уверен я, что всё начнётся сильно после обеда.

Антонов говорил, что мы должны задержать врага на сутки. Танки в прорыве идут и ночью, если их для прорыва достаточно. Антонов надеется, что врагов после нашей встречи для быстрого продвижения ночью останется мало. А что останемся мы, в его планы может и не входить.

Потому и думать ни о чём не хочу, оно магу и тотемному воину не составляет особого труда. Большинство командиров маги, и они, как я, тоже сейчас ни о чём не думают. У нас ещё будут шансы улизнуть... чёрт!

«И бесстрашно отряд поскакал на врага»...

Ближе к шести из люка впередиидущего танка по пояс вылез командир и поднял вверх флажок. Говорю по внутренней связи:

– Просыпаемся. Лёха, бери флажки и повторяй всё за передним.

– Ага, – ещё сонным голосом отвечает он.

Спокойно дожидаюсь остановки колонны. Лёша говорит в шлемофон:

– Впереди машут правым флажком, как плывут вразмашку. Я повторил, но не знаю, что это.

– Значит, каждому по куску хлеба с колбасой, и давай уже за рычаги, – отвечаю ему и выхожу из водительского люка.

Бегу в голову колонны, впереди энергично двигаются парни в комбинезонах. За две минуты прибежал и встал рядом с другими командирами, смотрю на нашего капитана.

Тот подождал, когда соберутся все и заговорил ровным тоном:

– Подробные карты получим завтра, а пока тихо радуемся, что я из этих мест. Враг же готовил прорыв и запасся картами заранее, он хорошо представляет себе ландшафт. Напоминаю, что нас противник не видит, но знает, что за ним следят с воздуха.

Антонов взял паузу для усвоения сведений и продолжил:

– Поставим себя на его место. Сейчас враг идёт по самому опасному участку, по ровному полю. Мы там можем увидеть его издалека и поразим в лоб. Но у них больше двух сотен танков, парни...

А у нас пятьдесят два, только собирались пополняться. Физически ощущаю, как пацаны сравнили цифры, прикинули, сколько приходится на каждого, и стали ещё внимательнее слушать комполка. А он говорил:

– Снова напомню, что над противником висят наши самолёты, он уверен в нападении. Враг вперёд выслал дозоры, заранее развернулся в цепи, повысил внимание. При таком соотношении никакая местность нам не поможет...

Ну, это всем и так уже ясно, давай дальше. И Пётр Алексеевич сказал:

– Неприятель пройдёт опасные места, потеряет время для перестроения в колонны, немного расслабится. Мы нападём неожиданно, с разных сторон, и сами рванём в ближний бой. Нам нужно сжечь их, сколько успеем сразу. Потом не будет.

Мы смотрели в его простоватое лицо. Капитан оглядел нас и проговорил:

– Я хочу, чтобы вы это сейчас хорошо уяснили.

Танкисты сдержано ему кивнули. Он подобрался и перешёл на деловой тон:

– Перед нами пологие и невысокие пригорки, дорога идёт между ними. Противник направит дозоры по вершинам. Первый батальон, готовимся к обороне на обратных склонах и в низине. Второй батальон заходит за холмы и прячется в поле. Там есть широкие балки, двадцать танков спрячете...

Я печально подумал, что наш батальон второй и есть. После объединения Пётр Алексеевич спокойно забирал у нас машины. Я один маг остался в батальоне.

– Второй батальон сидит в засадах, пока первый не начнёт бой, – сухо проговорил капитан. – А потом просто едете и убиваете всех. Приказ ясен?

– Так точно! – дружно ответили танкисты.

– Младший лейтенант Большов! – вдруг сказал Пётр Алексеевич.

– Я!

– Ты в моём личном подчинении, – проворчал он, глядя в сторону.

Сука! Вот зачем он это сказал?! Ребята могут остаться живые! Но другие же точно пойдут на смерть... и как мне потом жить?!

– Пётр Алексеевич, давно хотел тебе сказать, – начинаю задушевно. Он поворачивает ко мне удивлённое лицо, и я говорю. – Иди в жопу, капитан.

Пётр Алексеевич краснеет, я отдаю ему честь, оборачиваюсь кругом и иду к своей машине. Через три шага слышу его слова:

– Да, идите по машинам.

Приходится поднажать, чтобы не затоптали другие командиры. Добежал до своего танка, избегаю вверх по броне и прыгаю в люк. Парни смотрят на меня и с улыбками ждут вводную.

Да. Все солдаты должны погибнуть. Но эти... конкретно эти самые. Они погибнут только потому, что я не знаю, как дальше жить. Пр-р-роклётый капитан!

* * *

Капитан должен был меня пристрелить. Я специально повернулся к нему спиной и сделал три неспешных шага. Он тоже маг и знал, что я почувствую злобу, могу выхватить «Парабеллум» раньше, чем он потянется к кобуре.

Но я вообще не собирался оборачиваться. Антонов обязан был меня пристрелить. Ему бы ничего не сделали...

Только я ж и так шёл в верном направлении. Он в любом случае не станет служить со мной далее, этот бой всё равно последний. Просто мне предстояло самому сказать парням, что это последний бой. Нас точно сожгут.

– Это всегда могло случиться, – хмуро сказал Павлик. – Сколько ребят уже потеряли.

– Я уже спасался из подбитой машины, – проговорил седой Саня. – Это ещё далеко не конец.

– А есть ещё колбаса? – спросил Лёша. – А то я что-то не наелся.

Я сухо ответил, что поищем ему корма, когда определимся с засадой. Батальон, не выезжая на дорогу, пробрался полем и остановились по десять машин с каждой стороны. Комбат позвал к себе командиров.

Никто на меня пристально не смотрел, вообще, словно ничего не случилось. Наш командир старший лейтенант Дёмин сказал, что в дозорах противника возможны маги, и спросил меня как мага мои соображения.

Я ответил, что маги чувствуют направленный на них взгляд, поэтому лучше совсем не смотреть. Старлей вздохнул, что это всё осложняет, но деваться некуда – будем ориентироваться только на слух.

Ждём первый выстрел, но не фиг знает где, а обязательно поблизости. Если повезёт, пальнёт его машина, а не повезёт – всё равно нас обнаружили, и прятаться дальше нет смысла.

Огляделись. Впереди раскинулся ровный луг, и, примерно, в километре маячил холмик. Его справа огибала дорога, оттуда придут основные вражеские силы.

Вместе обошли поле, а то оврагов, вроде, совсем нет. А их просто из-за высокой травы сразу не различить. Прикинули, примерно, маршрут вражеских дозорных машин и дистанцию, на которую они обгоняют основные силы.

С учётом этих факторов подбирали овражки – они нашлись во множестве, и хватило всем. Так же можно надеяться, что следы гусениц в высокой траве видны лишь с высоты, дозорные не заметят.

Я человек скромный, вперёд не лез. Мне, как последнему, досталась продолговатая ямка только на одну машину. Расположена она была дальше остальных и имела значительный минус – въехать и выехать танк мог только с одной стороны. С другого краю она сужалась, и края сильно обрывистые.

Вернулись к своим танкам и разъехались по выбранным позициям. Лёша в овражек заехал, потом выбрался задним ходом. Снова заехал и сказал, что заезд пойдёт, только не дело в бой въезжать вперёд кормой, надо выехать и развернуться.

Я приказал завязывать с тренировками, и без разворотов достаточно следов. Лёха выключил двигатель и проворчал, что тут ему всё равно не нравится. Навалилась тишина глубокой траншеи.

Нехотя застрекотали кузнечики, зачирикали полевые пичуги, да у меня над люком полоска синего неба. Экипаж получил по ломтю копчёной колбасы и хлеба, я тоже составил компанию. Жевал, запивая солдатским чаем из фляжки, и обдумывал положение.

Я давно сообразил, что не напрасно комполка собрал у себя всех магов. Всё получилось естественно – обычные люди ведь гибнут намного чаще. В первый батальон народ переводили из военной необходимости, а во второй батальон направлялось пополнение.

Оставили меня одного, чтоб не говорили, что все маги в первом батальоне. Есть же во втором целый боярин! Но тогда уже наш батальон замышлялся расходным. В случае чего боярина можно оставить в своём распоряжении. Не мог же Пётр Алексеевич знать, что боярин...

Блин! Не надо было прямо посылать! А с другой стороны могли подумать, что я нарываюсь на уговоры. Не, всё правильно. Лучше извинюсь, если выберусь живым. И прослежу, чтоб у мужика не было из-за меня проблем в дружине.

А интересно, что сейчас там происходит! Воют где-то. Мирзоев точно стал генералом, а Бирюкову должны дать подполковника...

Кажется, земля чуть подрагивает? Стрекотание стихло, и птичкам тоже интересно. Молчали всем экипажем, дрожание поля заметили все. Послышался гул танковых двигателей.

Отдалённый шум превратился в сплошной вой и быстро достиг максимума, земля тряслась. Донеслись раскаты далёких выстрелов. Я сказал в шлемофон:

– Лёха, запускай двигатель. Павлик, фугасный.

– То есть броневой? – виновато уточнил он.

– Фугасный, Паша, – повторил я очень добрым голосом.

Наш танк завибрировал, его рычание почти неслышно в общем шуме. Я уверен, что при запуске не вылетело облако копоти, Лёха следит за мотором. Бой вдали разгорается, приглушённые выстрелы учащаются, вплетаются в общий грохот...

А этот выстрел раздался рядом. Я закрываю свой люк и впервые хватаюсь за хитрый рычажок – теперь оптика наводчика переключена на командира. Опускаю пушку и даю на свою кнопку.

Фугасный снаряд влетает в землю у дна овражка и взрывается, стенка осыпалась. Не то, что я прям был уверен в своих расчетах, просто решил проверить.

– Паша, броневой, – сказал я и вернул хитрый рычаг в исходное положение. – Лёш, вперёд, чтоб башня торчала.

Осыпь, конечно, получилась неровная, и под весом танка она проседает. Лёха остановил танк, зацепившись передними колёсами за край, чтоб не увязнуть. Башня поворачивается вправо и немного вниз. Встали криво, но из-за высокой травы почти незаметно, а в остальном наводчик разберётся.

Саня человек опытный, сразу схватил идею боя. К моменту нашего появления первый батальон начал сражение. Дозоры врага уже горят. Его главные силы перестраиваются в цепи, чтоб сокрушить сопротивление. Они тоже начали гореть, но их ведь очень много.

А тут мы такие.

Вылезла наша машина последней, первые танки отвлекли врага. Так нам нужно их прикрывать, чтоб и дальше отвлекали, тем более нас сразу заметить сложно.

Стоим мы на месте. Наводчику только угадывать, когда «панцирь» сделает дорожку, и нажать на «спуск». Павлик подаёт снаряды, от него реально сейчас всё зависит.

Однако и враг не дурной, сумели нас заметить за пять минут. Кстати, пять минут для Саши это восемь выстрелов. Вот пробиты мы восемь машин, и противник начал садить сходу по нашему овражку фугасными, чтоб закопать замаскированный танк или противотанковую батарею.

– погоди, Сань, – говорю, дёрнув после выстрела хитрый рычаг.

Пушку задираю вверх, башню поворачиваю вперёд и команду Лёхе:

– Полный назад.

Машина скатывается вниз, набирая скорость. Хитрый рычаг в исходное положение – пусть Саня дальше стреляет, у него хорошо получается. Паша загоняет снаряд. Танк разгоняется по овражку и чуть не взлетает кормой вперёд.

Кстати, очень вовремя, под разрывами снарядов овраг осыпается. Мы упали на траки, клацнув зубами. Появление отсюда танка враг не ждёт. Лёха гасит заднюю скорость, Саня успевает сделать выстрел.

Машина рвёт из-под себя, Павлик досылает снаряд. Резко стоп на левую гусеницу, танк разворачивается влево. Выстрел...

Выпрыгнули-то мы внезапно, но ведь перестали поддерживать своих прицельным огнём с места. Подбили сразу двоих наших. Новый рывок и резкая смена курса. Мы пробиты «панцирь», но замолчали ещё две «Рысь-1».

Опять вираж. Горят уже три наши машины. Танк неприятеля Саня поджёт, но враги просто везде! Они останавливаются и ведут нас пушками, ждут остановки...

Выстрел!

Мир вокруг вздрогнул, наполнился звоном и закачался. Серьёзный Павлик в обнимку со снарядом лежит на полу и смотрит на меня застывшими глазами. Саня лицом врезался в прицел, с его подбородка льётся красное.

– Лёха, на выход! – сквозь алое марево команду я, включив автомат пулемёта на крыше.

Он тоже включил сектор курсового пулемёта, хватает автомат и прыгает...

Его разрывает взрыв. По нам продолжают стрелять, часть врагов перешли на фугасные. Хватаю автомат и выпрыгиваю на броню. Пока качусь вниз, успеваю ощутить ещё три попадания в нашу бедную башню.

Жёсткий контакт с почвой, но страдать будем потом – сразу рывок от танка и новое падение. Близкий разрыв фугаса, вжимаюсь в землю. Ещё падает земля, снова прыгаю.

А по нашему несчастному танку всё продолжают стрелять! Похоже на истерику. Или пытаются заткнуть пулемёты? Там дублированное питание от аккумуляторов. Поможет только прямое попадание.

Хотя это уже всё лирика. Рвутся снаряды возле моей машины, а я ползу себе по лужку с равномерной скоростью. Экипаж убили, танк потерян, но я головы не потерял. Двигаюсь чётко к подбитому «панцирю».

По-моему, самое безопасное в данных обстоятельствах место. Европейцы туда точно стрелять не станут. Есть там и сами европейцы, куда ж без них, но пока магов в экипаже я не ощущаю.

Лежит экипаж на траве, на свой горящий танк поглядывает, небесами любитесь и мирно беседует. А я тихонько ползу и слушаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.